

Галсан Нанзатов

КУКЛА

И ДРУГИЕ СТРОКИ

Улан-Удэ
2016

УДК 89
ББК 84 (2Рос=Буря)
Н 251

Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Республики Бурятия в рамках Государственной программы Республики Бурятия «Культура Бурятии»

Нанзатов Г.З.

Н 251. Кукла и другие строки. – Улан-Удэ : НоваПринт,
2016. – 128 с.

Любимой жене

ПАССАЖИР

Глубокая лунная ночь. Я где-то в лесу босиком, в джинсах и футболке, а вокруг кольцо бродячих собак. Они глухо рычат и вот-вот бросятся на меня, загрызут и сожрут, потому что я пропах кошастиной.

– Ну что, таксист-водятел? Доездилися? Почему нормально поужинать нельзя было? В животе урчит? А еще и у собак урчит? В хорошенькой компашке ты оказался, – насмехался внутренний голос.

Если у этих обозленных дворняг все получится, то меня хватятся только дня через два. Сестра и родители станут обзывать всех моих друзей и знакомых (вдруг я у них). Потом по сети начнет гулять объявление с моей не слишком удачной фотографией: «Пропап Антон Шоноев, 25 лет. Ушёл из дома 17 апреля 2015 года и не вернулся».

Был одет в белую футболку, синюю стеганую куртку, серые джинсы и черные полуботинки. Азиатской внешности, среднего телосложения, рост 180 см. Особых примет нет.

Всем, кто может сообщить любую информацию о местонахождении Антона, просим звонить по телефонам: ** ** * и * ** * ** * ** *».

Глядишь, там и СМИ подключатся и разместят объявление у себя на сайтах, в газетах и выпусках новостей. Потом проймёт официальные органы, «начнутся оперативно-розыскные мероприятия», только мне будет уже все равно и опознать меня смогут только судмедэксперты. По фрагментам обглоданных останков.

* * *

В мое субботнее утро ворвалась эсэмэска счастья от банка. Во вторник проценты по кредиту начнут расти как чужие дети.

Наскоро перекусив, я созвонился с Женькой-везунчиком и взял у него логин и пароль от приложения службы заказа такси, которое я закачал себе на смартфон за три минуты до нашего разговора. Мне всегда казалось, что таксовать я не буду. Да какая жизни разница, что мне казалось.

– Гордый, значит? А что ж ты в охранники не подался? Или в грузчики? Никто же не узнает, а тут таксист. Вдруг кого знакомого подвозить будешь? Не стыдно? Или стыдно? – роились внутри язвительные мысли.

Я собрался и пошел за машиной. Возле подъезда мне встретился расстроенный соседский мальчишка.

– Привет, Батоша.

– Здравсьте, дядя Антон.

– Ты чего такой смурной?

– Донателло купили.

– Черепашку-ниндзя, что ли?

– Да. Я три месяца на него копил. А его купили.

– А ты купи кого-нибудь другого. Леонардо, например.

– Другие у меня есть. Мне только Дона не хватает.

– Не расстраивайся. Подожди немного. Будет новый завоз, и Донателло тоже привезут, – я пошарил по карманам, – будешь конфетку?

– Нет, спасибо, – Батоша машинально забрал конфету, развернул и начал жевать.

– А говорил, что не будешь, – рассмеялся я.

– Простите, дядя Антон.

– Да ладно.

– Дядя Антон, если увидите моего Донателло, то вы мне скажите где. Я приеду и куплю. Честно-пречестно.

– Ты мне хоть картинку покажи. А то вдруг не того увижу.

Батоша вынул из рюкзака рекламный буклетик и протянул его мне:

– Вот этого. Из новой коллекции. Пожалуйста, посмотрите, дядя Антон.

– Хорошо. Посмотрю.

* * *

«Хорошо быть серийным убийцей в большом городе, где никому ни до кого нет дела. А вы попробуйте маньячить в нашем маленьком Улан-Удэ, где о тебе расскажут даже то, о чем ты сам давно забыл», – насвистывая, рассуждал Павел Петрович после очередного удачного дела.

Всегда аккуратно одетый в чистые потертые вещи, он походил на школьного учителя, хотя бросил преподавать еще в девяностые. Тогда Павел Петрович осознал свою нелюбовь сначала к своим ученикам, а потом и ко всем остальным и устроился ночным сторожем на автостоянку. Днем будущий маньяк отсыпался, а на работе читал и вырезал фигурки из дерева.

Его первыми жертвами стали бомжи. Честно говоря, он собирался убить одного, однако когда получилось больше, расстраиваться не стал. Павел Петрович с детства походил на жертву, чем пользовались однокашники, сокурсники, коллеги и даже ученики. Последней каплей стал гошоватый бомж.

Чуть шаркающей походкой Павел Петрович шел за хлебом после ночной смены, как его требовательно окликнул пропитый голос:

– Эй, мужик. Есть курить?

– Нет. Не курю.

– Слышь ты.

– Что вы себе позволяете?

– А чё ты, заучка, мне сделаешь?

Павел Петрович не выдал обиды и прошел мимо. Он хотел выбросить этот разговор из головы. Очень хотел. Слова бомжа прочно засели в его мыслях. Аппетит пропал, настроение тоже. В нем проснулась холодная и расчетливая злоба, которая сходила вместе с ним в магазин и купила дешевой водки, потом в аптеке купила большой шприц и съездила на фенольное озеро, где набрала целую банку дурно пахнущей воды. Дому эту воду они с помощью шприца через тонкую крышку закачали в водку.

После очередной смены Павел Петрович выглянул в окно, заметил того же бомжа и снова пошел в магазин.

– Заучка! Иди сюда.

Павел Петрович остановился.

– Что?

– Водки купи, – расхохотался бомж.

– Хорошо. Куда принести.

– Вон к тем люкам. И закусь не забудь.

«Обойдешься», – подумал про себя Павел Петрович, тихонько улыбнулся и пошел в магазин.

Возле люков его ждали сразу трое бомжей.

– Ни хрена же себе. Принес.

– Колян сказал – заучка принес. Сюда давай.

Павел Петрович бросил им бутылку.

– Э! А закусь где?

– Чеши за закусью, заучка.

Бутылку в момент открыли и начали пить из горла. Павел Петрович отошел подальше и начал смотреть. Сперва они закашлялись, потом начали харкать кровью и желчью. Минуты через три бомжи повалились на землю в судорогах. Когда они затихли, сторож подошел поближе, всмотрелся в остеклевшие глаза и запел: «От улыбки станет день светлей...».

Я заправил машину и оставил себя без обеда. Несколько часов я сидел и бесцельно ждал. Однако во второй половине дня аккаунт Женьки-везунчика начал привлекать мне пассажиров. Машины и даже номера у нас с Женькой похожие, так что проблем не было. После пары поездок я перекусил, потом отвез веселую семью в аэропорт, какую-то странную тётку с Левого берега на ПВЗ, влюбленную парочку с Шишковки на

Восточный. Там в одном детском магазинчике я нашел и купил Батошкиного Донателло. Зачем? Сам не знаю. Захотелось.

Потом я еще потаксовал. И еще. И еще. Пока не обнаружил, что заработал на закрытие кредита и немного на бензин и что уже глубокая ночь.

Тут поступил еще один крупный заказ. От проспекта Автомобилистов до какого-то ДНТ за Сотниково.

Этот пассажир мне сразу не понравился. Вроде бы обычный щуплый интеллигентный мужчина, но всё моё естество в голос вопило об опасности. Он сел на заднее сиденье и молчал всю дорогу.

В навигаторе этого ДНТ не было, но дома всю строились и обживались. Подъехав к нужному дому, я встал на ручник и хотел было включить свет, но потерял сознание.

* * *

После того случая Павел Петрович еще пару раз подбрасывал фенольную водку бомжам, но потом ему это наскучило. Тогда он дождался лета и устроил охоту на цыган и гостей из Средней Азии. До гастарбайтеров почти никому не было дела. Цыгане называли Улан-Удэ злым городом и старались тут не появляться.

Наконец, Павел Петрович придумал новую забаву. В переходах он покупал себе анонимную сим-карту, поздней ночью вызывал такси в частный сектор, где спокойно можно заблудиться, а дома появлялись быстрее, чем регистрировались на официальных картах. Подъехав к нужному месту, сторож-маньяк усыплял таксиста хлороформом, отправлял с его смартфона эсмэску с подтверждением заказа, садился на место водителя и ехал со своей жертвой в пригородный лес. Обычно на Верхнюю Березовку или за сотые квартала.

Павел Петрович надевал перчатки, тщательно обыскивал неудачливого водителя, забирал всё ценное, выволакивал тело на поляну и обтирал его линялой кошачьей шерстью. Затем он отъезжал чуть подальше и стрелял в бесчувственную жертву из пневматической винтовки. Несчастный приходил в себя, слышал утиный манок и через пару минут оказывался в кольце голодных бродячих собак. Одни пытались убежать, другие отбиться, третьи вообще ничего не делали и звали на помощь,

а Павел Петрович сидел недалеко в добытой машине, приспускал стекла, напевал «Собака бывает кусачей» и с удовлетворенной улыбкой слушал крики о помощи, утробное рычание и лай, дикие крики и довольное урчание.

На следующий день он ехал на машине жертвы в другой город, продавал без документов по бросовой цене и возвращался в Улан-Удэ на поезде.

Для соседей маньяк жил подчеркнуто небогато, иногда занимал денег и возвращал их в срок или с небольшой задержкой, брал кредиты на дешевую технику, хотя в последние годы мог купить целую витрину. На свою охоту Павел Петрович выбирался раз в два-три месяца, выжидая, когда утихнет шумиха вокруг очередной пропажи или жуткой находки.

* * *

– Как так можно, Шоноев? Тебя собираются на куски порвать, а ты думаешь, где этот несчастный Донателло? – пилил меня внутренний голос, пока я ощупывал карманы. Ворчал он больше по привычке, ведь моя история на этих шавках точно не закончится. Кровь прапредка бурлила в жилах и рвалась на волю.

Женька опять оказался везунчиком. Если бы он сам принял этот заказ, то он стал бы для него последним. Но этот заказ принял я.

Собаки почуяли неладное и притихли. Лучше бы они убежали, поджав хвосты, может, тогда бы и пощадил. Зря они на оборотня тявкать посмели.

* * *

Павел Петрович жег в дешевом мангале документы очередной жертвы, когда в дверь постучали. Вчера он чувствовал себя неважно и уехал, как только услышал лай своих голодных любимцев.

На пороге стоял какой-то босой оборванец.

– Извините, не подаю, – попытался закрыть дверь маньяк.

– Где моя машина и черепашка?

Павел Петрович с удивлением узнал свою вчерашнюю жертву.

* * *

Я толкнул урода внутрь квартиры, запер дверь и перекинулся в белого волка. Мсть! Я прижал его к полу и зарычал. Мужичонка дернулся и умер. Я положил лапу ему на грудь, похоже на сердечный приступ. М-да. Не удалась мсть.

Я перекинулся обратно в человека, нашел ключи от машины, пепел от своих документов, свой кошелек и черепашку-ниндзя. Странно. Что ж он его не выбросил? Не важно, домой пора.

КУКЛА

Его куклы стоили как квартира в центре Улан-Удэ или три-четыре новых джипа. Ему платили, не торгуясь. Лишь раз в год Мастер создавал свой новый шедевр, который на следующее утро сгорал в большом костре.

К нему приходили, потому что за семь километров от его дома любой транспорт приходил в негодность. Он не слушал, просто смотрел и произносил лишь одно слово. Редкие просители уходили со счастливой улыбкой, чаще всего ответ был как этим утром.

– Нет.

У матери подкосились ноги. Отец схватил Мастера за грудки, потряхнул, оттолкнул и ударил.

– Ты должен!

Мать рыдала на полу. Мастер закрыл глаза.

– Слишком поздно. Простите.

Мастера хлестнул глухой голос матери:

– Пойди и сам скажи «нет» моей девочке.

Они ушли. Он так и не научился отказывать и забывать. Каждый раз он бесцельно слонялся по дому, по двору и боялся заснуть. Казалось, что он провалится под землю – так было тяжело на душе. Ему снились те, кому он отказал. Не их родители, а сами дети. Над ним кружили пропитанные горем и отчаянием слова матерей и отцов. Мастер не спал и не ел. Только пил целебную воду прямо из источника. Так проходило несколько дней, пока он не падал от истощения. Потом Мастер просыпался и ждал новых просителей. В этом году он уже сделал куклу и поэтому отказывал всем. Ему снова было плохо от собственного бессилия, но вечером он задремал в кресле, а потом и вовсе заснул.

* * *

Мастер смотрел на утреннее солнце и не верил своим глазам. Он пулей бросился собираться, завел машину, наспех побрился и помчался в больницу.

Когда Мастер зашел в палату с пакетом зеленых яблок, девочка улыбнулась:

– Здравствуйте, дядя Мастер. Спасибо за яблоки.

– Здравствуй. Пожалуйста. Откуда ты знаешь, кто я?

– Я сегодня все знаю. Я просила маму не обижаться на вас, но она только плакала.

Мастер молчал.

– Дядя Мастер, а я не боюсь сегодня заснуть. Только маму с папой жалко.

Мастер положил яблоки на тумбочку и поднялся:

– Прости.

Девочка улыбнулась и кивнула.

Мастер запер ворота, закрыл все ставни на окнах и запер двери, открыл потайной люк и спустился в подвал. У него оставалось времени только до вечера. Странная легкость мысли и движений завладела им. Все заготовки, инструменты, ткани, клей и краски словно по волшебству оказывались под рукой, каждый штрих, каждая мелочь получались с первого раза.

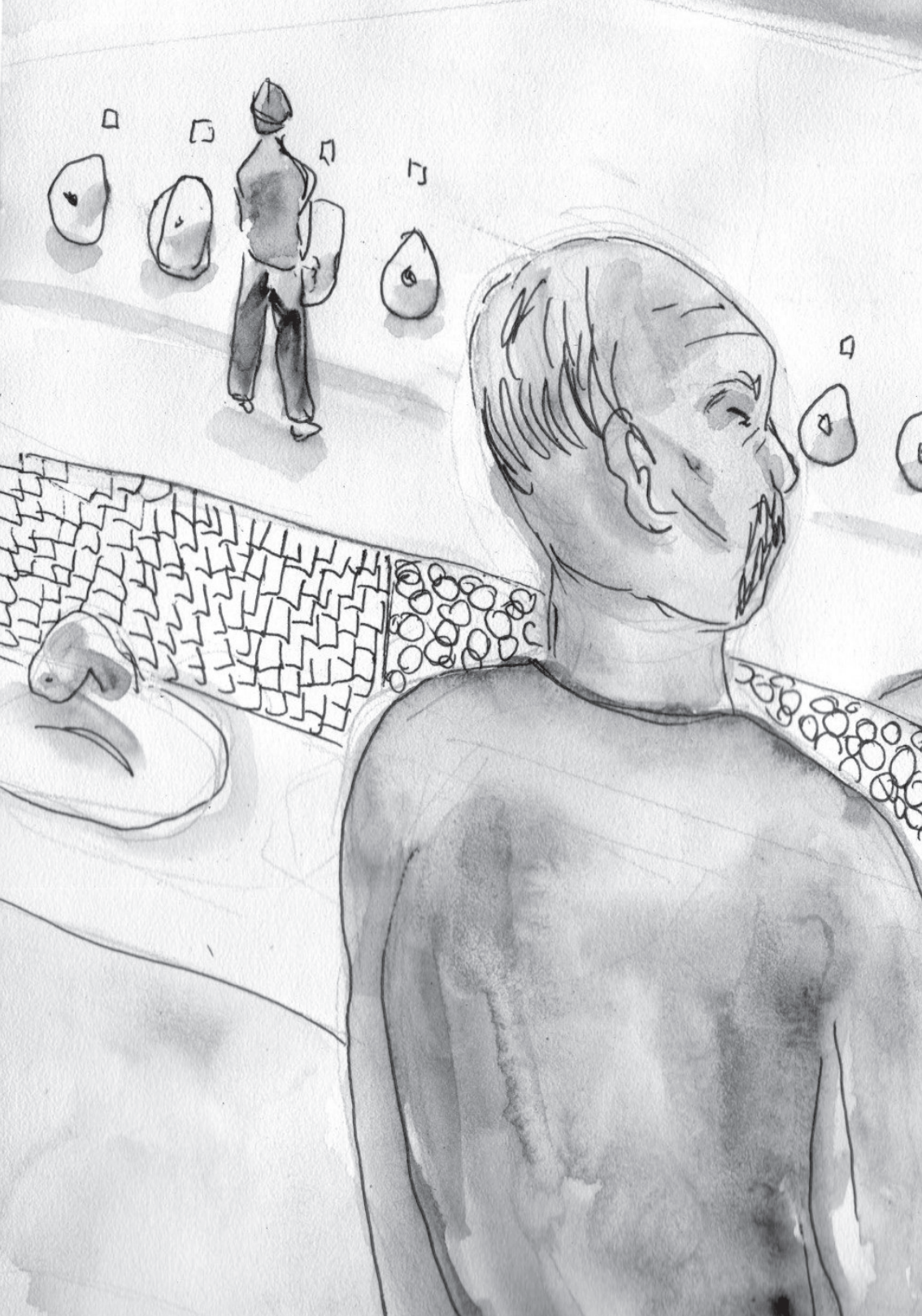
Он успел. На его ладони сидел Арлекин и улыбался. Бледный, скорее блеклый, Мастер тяжело дышал.

Рядом с больницей плакали родители. Когда Мастер подошел, мать набросилась на него. Она кричала и била Мастера в грудь. Подскочил отец и швырнул его на асфальт. Мастер с трудом встал на одно колено, вынул из-за пазухи Арлекина и протянул матери:

– Несите в палату.

Женщина вырвала куклу и бросилась в больницу. Отец побежал следом, смахивая слезы.

Мастер упал. У него потекла кровь из носа и ушей. Он улыбнулся, еле-еле поднялся, завел машину и поехал домой.

* * *

Отец положил Арлекина под кровать, поцеловал спящую дочку в лоб и вышел. Мать сидела возле кровати и гладила маленькую ладошку:

– А еще поедем на Байкал, в Максимиху, на твои любимые Черные камни. Будешь с них прыгать как с вышки, а я буду рядом. Роднулечка моя, мама всегда будет рядом. А потом мы купим мороженое, накрошим туда яблоки и груши и всё съедем. А папа станет ворчать, что мы опять ему ничего не оставили, и сходит купит еще.

Мать стала покрывать поцелуями лицо девочки:

– Солнышко моё, тебя дома ждёт новая фея, и пони, и домик, и раскраски.

Снова вошел отец, обнял мать за плечи и повел за собой:

– Любимая, так надо.

* * *

Пыльная кружка на пыльном столе, грязный пол в засохшей крови, закрытые ставни, приоткрытая дверь, опрокинутый стул. На нерасправленной кровати спал усталый Мастер. В каждое своё творение он вкладывал не только свой талант, но и свое сердце и душу. В последнюю куклу он вложил еще больше.

* * *

Арлекин лежал на подушке и улыбался утреннему солнцу. Его правая рука обгорела, куда-то пропала левая ступня, рубашка истлела, колпак разорван пополам, а он улыбался с закрытыми глазами.

Девочка проснулась на полу, выползла из-под кровати, поднялась и начала прыгать:

– Мама! Папа!

* * *

Бледный Мастер смотрел на своё седое отражение. Под ногами шуршали скомканные эскизы. Мастер усмехнулся:

– Значит, всё? Кончился Мастер?

* * *

- Солнышко, собирайся быстрее. Ты в школу опаздываешь.
- Не надо в школу. Не надо. Там дяде Мастеру плохо.

* * *

Мастера нашли сидящим в кресле. На его изможденном лице проступил кровавый пот. Родители умыли Мастера и уложили в кровать. Девочка зажгла свечку в пустой банке из-под варенья и поставила её возле порога.

- Надо врача вызывать.
- Да звоню я. – Пауза. – Сеть не ловит.
- Не надо врача, – тихо сказала девочка. – Пойдем.

Спустя три минуты они встретили еще одну семью. Мальчик осторожно нес в баночке зажженную лампадку. Дети посмотрели друг другу в глаза и кивнули.

Потом они встретили еще одну семью. И еще. И еще. И еще. Потом отец сбился со счета.

* * *

Через три дня Мастер вышел на крыльцо, аккуратно сдвинул банки, сел на ступеньки и улыбнулся.

Во двор вошла девочка:

- Здравствуйте, дядя Мастер.
- Я уже не Мастер, – погрустнел он.
- Тогда научите меня быть Мастером.

СТРУНА

– Зашибись выпускной закончился, – усмехнулся Димон, провожая взглядом уезжающее такси с родителями. Они увезли с собой самое первое сентября, первые робкие ухаживания, безбашенный бег по школьным коридорам, записки и эсэмэски под носом у учителей, весенние и осенние каникулы, курение за школой, изнуряющую подготовку к поступлению, драки портфелями, горы учебников, утреннее ожидание прогноза погоды, когда получалось вволю выспаться и пойти играть на улицу, тягучие и мгновенные уроки – словом, то, о чем грустили родители вместо своих детей.

Димона же волновал вопрос насущный:

– И что теперь делать? – Он нашарил в карманах смартфон, четыре рубля, ленту выпускника и барбариску. Судя по электронным картам, до дома оставались ничтожные семь с половиной километров. Юноша почесал подбородок и начал прикидывать варианты, как его панибратски хлопнул по плечу захмелевший борец Бася. Рядом, как обычно, суетился плюгавый Болоодя, который тоже собирался хлопнуть Димона по другому плечу и промахнулся.

Бася и Болоодя являли собой классических хулигана и подхалима. Бася именовался по паспорту Баясхаланом, а Болоодя (причем второй слог все обязательно произносили, растягивая букву «о») – Владимиром.

– Димоон, – растягивая последний слог, Бася притянул невольного собеседника к себе, – пойдём культурно бухнём.

«Культурно выпивают», – отметил про себя Димон, благо-разумно промолчав. Когда у Баси от алкоголя начинали краснеть уши, он начинал очень болезненно реагировать на критику и отказы. Потом он, конечно, извинялся, но синяки меньше не болели.

– Тебя только не хватает, – поддакнул Болоодя.

– Да не. Всё. Не.

– Не понял. А кто нам на гитаре лабать будет? – удивленно приблизился Бася.

– И где она?

– Да не парься ты. В кукольном театре гитара по любому найдётся.

– Ага, – добавил глубокомысленное примечание Болоодя.

Пятеро выпускников пьянствовали в одной из подсобок местного театра кукол, в котором у бесконечно гордого собой Болооди работал охранником сколько-то-юродный брат по отцовской стороне. Алкоголь и закуску с банкетного стола разложили на выцветших афишах и старых газетах. Гитара так и не нашлась, поэтому они просто пили с бесшабашной отчаянностью неокрепшей юности.

– А нас не спялят?

– Димон, ты задрал уже, – вздохнула Кристинка, поправила непослушную челку, сделала вид, что выпила, шумно занюхав очередные «сто грамм», и начала с важным видом загибать

пальцы. – Во-первых, Димон, ты задрал уже со своими беспокойствами, во-вторых, летом в театрах работает только администрация, ну, всякие там бухгалтерии, ну ты понял, в-третьих, завтра суббота и никто сюда не придёт.

– А в-четвертых, надо еще бухнуть, – с развязной веселостью заключил Бася. Остальным пришлось поддержать идею.

– Суржанка, а Суржанка, давай с тобой поцелуйно выпьем, – выпалил расхрабрившийся Болоодя.

– На брудершафт, – машинально поправил Димон.

– Какой брудершафт? Болоодя, ты чё, не видишь, что она уже отрубилась? – хмыкнула Кристинка, обновляя ленту новостей в смартфоне. Плюгавый машинально выпил.

– Откуда здесь туман?

– Какой туман, Димон?

– Хватить гнать – давай бухать, – рубанул Бася и ухмыльнулся: – Да я прям поэт.

– Точняк. Пикассо, прям.

Скрытый зануда просто махнул рукой.

– Димон, сходи лицо ополосни. Нет здесь никакого тумана.

– Да нормально всё, – Димон потёр глаза, но бледно-желтый туман никуда не исчез. Наоборот, его передёрнуло от появившегося запаха гнили и гари.

– Дохляк, – радостно осклабился Болоодя и покровительственно добавил: – Закусывать надо, – после чего остограмился и закашлялся.

– И не говори, – с чрезвычайно серьёзным выражением лица кивнула Кристинка. – О! лайк! – и снова уткнулась в экран.

Туман становился гуще, а запахи резче, но никто кроме Димона ничего не замечал.

– Блин, телефон отрубился, – расстроенная девушка сунула гаджет в сумочку, вытащила из неё зажигалку и сигареты, вздохнула и закурила.

– Охренеть, ну ты и конспираторша, – поаплодировал Димон, – и ведь никто не догадывается.

– Учись.

Димона снова передёрнуло, а от рези в глазах выступили слёзы.

– Дохляк! Говорил же, дохляк! – Болоодя чуть ли не прыгал.

– По ходу реально надо умыться, – Димон направился к выходу, тщательно скрывая, что его начало штормить.

Уже в коридоре он услышал протяжную бурятскую песню. Димон не сразу узнал в полнозвучном баритоне голос Баясхалана, который никогда даже не подпевал. На уроках пения хронический троечник только открывал рот, а чаще просто прогуливал. Димон заслушался, в воздухе запахло байкальским утром, туман стал рассеиваться, в голове прояснилось, но умыться всё же стоило.

* * *

– Интересно, они всегда не запирают мастерские на лето? И на фига мне понадобилась нарисованная дверь? – Димон подсвечивал искомую декорацию фонариком в смартфоне, – я же в неё не пролезу. И откуда у меня такая мысль «пойду-ка я найду нарисованную дверь»? Это же столько надо выпить?

У смартфона села батарея. Димон в темноте споткнулся и упал прямо в ту самую нарисованную дверь, которая открылась вовнутрь. Выпускник кубарем скатился по земляным ступеням, охнул, помотал головой и огляделся. Вокруг него умиротворяющим серебром светилась высокая трава. Димон поднялся, горестно осмотрел пришедший в негодность костюм, а потом услышал похожую на раздумья о вечности мелодию морин-хура. Под теряющимся в темноте сводом пещеры метрах в ста перед юношей стояла белая юрта, куда тот направился.

* * *

Под теряющимся в темноте сводом пещеры метрах в ста перед юношей стояла белая юрта, куда тот направился.

Откинув войлочный порог, он вошел и замер. За низким резным столом сидел пионер, похожий на выцветшую иллюстрацию из советского учебника. Хозяин дома отложил инструмент, приподнял красную эмалированную крышку над белой литровой кружкой, вдохнул аромат заваривающегося зелёного чая и сделал приглашающий жест:

– Здравствуй. Проходи, присаживайся.

– Здравствуй, – Димон направился к столу, украдкой ущипнул себя и выругался. Пионер улыбнулся:

– Раньше надо было себя шипать. Когда на поляне очутился. На, – хозяин юрты протянул гостю мокрое полотенце, – утрись.

Выпускник начал старательно натирать лицо. Ни юрта, ни пионер, ни запах зеленого чая, как в деревне на каникулах у бабушки, никуда не исчезли.

– Батор, – протянул руку хозяин дома.

– Димон, – ответил на рукопожатие юноша и сел за стол. Пионер налил немного заварки в две оловянные кружки, добавил молока из желтого бидона, залил кипятком из синего чайника, подал кружку гостю и подвинул к нему конфетницу с квадратными ирисками, мятными пряниками, печеньем с советским гербом и блюдец с ломтями свежего хлеба с маслом, посыпанным сахаром.

– Офигительно, – с набитым ртом улыбнулся выпускник.

– Пожалуйста.

В голове у Димона прояснилось, словно не было утренних возлияний за школой, выпускного, банкетных гуляний и посиделок в театральной подсобке.

– Я понял, – торжествуя заключил гость, – я здесь потому, что я – избранный.

Хозяин чуть со стула не упал:

– Избранный? Аха-ха! Придумал же. Избранный... погоди. Отдышусь. Никакой ты не избранный. Мой зов услышали многие, просто ты был ближе всех. Избранный нашёлся.

– А тогда как я сюда попал?

– Потому что я тебя пустил.

– И зачем я тебе?

– Чтобы сделать подношение небесам.

– Чего?

– Давай с самого начала. Ты замечал, что этот театр расположен в месте, очень похожем на могильный курган?

– А! Темная энергетика...

– Не перебивай. Это место силы, а тёмной или светлой, зависит от многого. Поэтому мы построили здесь под мастерскими пещеру с белой юртой на серебристой поляне, куда раз в триста лет спускается один из нас и играет на морин-хуре. Наши мелодии поддерживают гармонию вокруг Байкала. Но

струны инструмента зависят от людей. Чем больше вас живет по совести, а не ради выгоды, тем они прочнее. Только в последнее время струны истончаются гораздо быстрее.

– А я тебе зачем понадобился?

– Чтобы сделать подношение небесам.

– Ты уже это говорил.

– Я не могу подняться на поверхность, но могу позвать на помощь человека, который возьмёт пиалу с молоком, поднимется на вершину кургана и сделает подношение небесам. Тогда струны восстановятся.

– Ясно. А если не восстановятся?

– Тебе лучше не знать.

Димон немного помолчал и обиженно буркнул:

– Зато только я видел жёлтый туман.

Пионер поперхнулся чаем и подскочил:

– Какой туман!

– Ну, желтый такой. Он ещё он гнилью и гарью пропах.

– Беда, – Батор бросился к резному сундуку, начал лихорадочно в нём рыскать, потом бросил гостю узкий бурятский меч хэлмэ в серебряных ножнах:

– Сколько вас было? – Хозяин юрты сорвал пилотку и нахлобучил жестяную воронку, надел войлочный жилет.

– Пятеро.

Пионер взял зеленую крышку от кастрюли и большой половник и бросился наружу:

– Скорей!

Димон побежал следом:

– Тебе же наверх нельзя.

– Теперь неважно.

И протянул Батору свой меч:

– Возьми. Всяко лучше половника.

– Оставь. Тебе нужнее.

Димон хотел сострить по поводу остального обмундирования пионера, но, взглянув на его бледное лицо с плотно сжатыми губами, передумал.

– Поторопись! Нужно людей спасать.

Болоодя с затаённой ненавистью смотрел на поющего дебила Басю, курящую стерву Кристинку и в дрова пьяную

дуру Суржанку. «Мне бы сил побольше, тогда я бы вам всем отомстил. Всем. За каждый день, за каждый урок, за каждую перемену», – скрывая мысли, плюгавый выпил очередную рюмку.

– «Как ты хочешь отомстить?» – Зашумело у Болооди в голове.

– «Жестоко. Я бы их всех размотал».

– «Даже этих?».

– «Да мне фиолетово».

– «Давай так. Я тебе силы, а ты мне жестокость».

– «Чё ты гонишь».

– «Сожми стопарик».

Болоодя недоверчиво смотрел на раскрошившуюся в ладони рюмку, загоготал и разбил пустую бутылку о голову Суржанки.

– А ну цыц, Болоодя! – рявкнул прервавший песню Бася.

– «Лучше не подводи меня».

– Завари хлебало! – под рукой очень кстати оказался нож, который Болоодя с наслаждением воткнул в живот тупому певцу. Плюгавый отшвырнул тело борца и развернулся к Кристинке.

* * *

На выходе из мастерских выпускника едва не стошнило от вездесущей резкой вони. Ярко-жёлтый туман застил глаза и стал вязким, словно болотная тина. Батор этого препона не почувствовал и промчался по лестнице наверх, где на него со спины набросился огромный четырёхголовый крыс. Пионер устоял на ногах, отбросил монстра в сторону и сам напал. Крыс противно верещал, пытался достать противника жёлтыми кривыми зубами, черными когтями и ржавыми железными наконечниками своих восьми хвостов. Батор уходил от ударов и укусов, отбивался крышкой от кастрюли и сам атаковал половником. Димону стало легче проходить сквозь туман, только мерзкая вонь никуда не сгинула.

Выпускник увидел монстра и впал в ступор. Крыс заметил легкую добычу и кинулся на Димона, но половник Батора отбросил чудовище обратно.

– Выводи людей!

Димон очнулся, обнажил меч и собрался напасть на крыса.

– Назад! Людей выводите! – пионер оттолкнул выпускника в сторону подсобки.

* * *

Сквозь запертую дверь подсобки доносились рыдания Кристинки и хриплый срывающийся на визг голос Болооды:

– Заткнись! А то ещё одну руку порежу!

Димон смачно выругался, а когда увидел под дверью струйку крови, выругался снова. Он изо всех сил дернул ручку на себя.

– Димон, а ты не только дохляк, ты ещё и тупой, – загоготал Болоодя, – дверь-то вовнутрь открывается!

Димон попытался выбить дверь ногой, а потом плечом. Кристинкины рыдания сначала прекратились, но, поняв тщетность всех попыток освободителя, она заревела в голос.

– Заткнись, сучка! – раздался звук неумелого сильного удара и вскрик.

Димон в бессильной ярости снова пнул дверь.

– Вали отсюда, дохляк! – проорал плюгавый.

Димон глубоко вдохнул, выдохнул и стал лихорадочно соображать. Неожиданно для себя он перерубил петли и замок. Дверь под тяжестью Басинога тела рухнула наружу. Юноша увернулся, ворвался внутрь и от души приложил обернувшегося Болоодю рукоятью меча. Тот даже не шелохнулся. Плюгавый гаденько ощерился и с отрезком трубы кинулся на Димона. Последний с трудом отбивался и пятился назад. Бездумные, налитые кровью глаза, неестественная сторбленность и злобное шипение делали Болоодю похожим на крыса.

Внезапно очнувшийся Бася дернул бывшего подельника за ногу и снова потерял сознание. Плюгавый упал, подскочивший Димон ударил его рукоятью в затылок, пощадив в последний момент. Болоодя обмяк.

– Эй, малолетки, да вы тут совсем охренели! – разбуженный охранник уже прикидывал, на кого свалить сломанную дверь и сколько спросить с выпускников в качестве компенсации. Потом он прикрикнул на Димона:

– А ну, положи реквизит на место!

Юноша сделал вид, что отложил меч в сторону, а сам убрал его за спину и указал на Басю и остальных:

– Ему нужно вызвать «скорую», а остальных вынести на свежий воздух.

В поединке пионера и крысы сохранялся паритет – никто не мог пробить защиту соперника. Охранник же не видел ни туман, ни противников, не чувствовал запаха гари и гнили, не слышал ни звона оружия, ни скрежета клыков, когтей и ржавых наконечников восьми хвостов, ни пронзительного верещания. Когда всех вынесли на крыльцо, охранник присел на стул, чтобы вызвать «скорую» и полицию, и заснул. Димон попробовал сам набрать номер службы спасения, но трубка встретила его тишиной. Свой телефон разряжен, а шарить по карманам не позволило воспитание.

– Димон!

Юноша бросился к сражающимся.

– Принеси молока!

– Чего?

– Молока из юрты! Бегом!

Димон помчался в мастерские к нарисованной двери. Крыс заверещал громче прежнего и с утроенной злобой бросился на Батора. Пока пионер отбивался от беснующегося монстра, последний швырнул вслед выпускнику пять своих хвостов, которые сплелись в спрутоподобную мерзость и кинулись вслед за юношей.

Димон вбежал в юрту, отдышался, схватил бидон и рванул обратно. На краю серебристой поляны его поджидали хвосты монстра. Юноша вскрикнул и не успел понять, когда он обнажил клинок, как уже разрубал на куски спрутоподобную мерзость.

Когда он домчался до противников, сквозь порезы на белой рубашке пионера сочилась кровь. Батор хрипло дышал. Крыс клацал зубами, теснил врага и одной из своих голов слизывал капли крови с пола.

– Батор!

– Плесни на меня молоком! – не оборачиваясь, бросил пионер.

Димон плеснул. Раны Батора затянулись, воронка его на голове превратилась в шлем, жилетка – в доспех, крышка от кастрюли – в щит, а половник – в меч. Крыс только пискнул два раза, как был изрублен на куски.

- Благодарю.
- А не судьба сразу мой меч взять?
- Батор улыбнулся и забрал клинок.
- Извини, но этот меч против крыса абсолютно бесполезен.
- Он убрал һэлмэ за пояс и погладил его: – Спасибо, родной.
- Потом Батор увидел бидон и спал с лица:
- Скажи, что там еще есть молоко.
- Конечно, нет. Я же его весь выплеснул.
- Пауза.
- Ты чего? Мы же победили.
- Батор тяжело сел на пол и кивнул в сторону изрубленного крыса:
- Нет. Не мы. Молока больше нет. Струна скоро оборвется.
- Так я же хотел как лучше.
- Небесный богатырь закрыл глаза.

* * *

В театре не осталось даже намёка на происшедшее. Все выпускники целые и невредимые очнулись в своих домах. Никаких фотографий, видео и прочих записей ни в телефонах, ни где-нибудь ещё не сохранилось. Суржанка и Кристинка поступили в местные вузы и больше не пересекались. Бася ожидаемо оказался на спортфаке и стал петь на свадьбах и прочих торжествах. Болоодя пропал без вести. Его труп с перегрызенным горлом нашли на свалке. Димон уехал в другой город и начал учиться на программиста.

В начале июля 2015 года струна оборвалась. Леса Бурятии, Иркутской области и Забайкальского края покрылись адскими нарывами лесных пожаров.

ВОЛШЕБНЫЙ ШАР

Он пристально разглядывал заботливо упакованные подарки на одинокой витрине в центре зала, поправлял выдавший лучшие времена серый пуховик, вытирал ладони о застиранные синие джинсы и выискивал оружие объявления о новогодней распродаже.

Разбежался. Только не у меня. Дочитав главу, я вложил закладку в книгу и поднялся с дивана:

– С наступающим.

– Спасибо, ничего не нужно, – буркнула спина покупателя.

– Разумеется. Это вам, милейший, нужна моя помощь.

Покосился на меня с опаской и к выходу. Я даже вздохнул от такой предсказуемости:

– То есть с женой и дочкой вы мириться не собираетесь?

Чуть напрягся, полоснул недоверчивым взглядом, но остановился:

– Скажите, что вы это от фонаря спросили?

– Не скажу, – я примиряюще поднял ладони, – а не всё ли вам равно, милейший, откуда я об этом знаю? Главное, мне по силам вам помочь.

Под потолком для красоты момента ещё пуще разгорелось мое маленькое северное сияние. Я внимательно осмотрел оторопевшего покупателя и начал выбирать подарок для его семьи.

Они пили плохонький чай, да что там! Бурду они пили с привкусом чая. Он начал выговаривать жене, когда она покупала товары и продукты не по акции или на рубль сорок копеек дороже в ближайшем магазине. В его голове не укладывалось, как можно не пройти жалкие полтора километра, чтобы сэкономить. На распродаже он шёл, только если не находил такую же вещь или игрушку в комиссионных магазинах, а если находил в группе типа «отдам даром», то два дня ходил в приподнятом настроении. Ради экономии электричества телефоны он заряжал на работе, а воду из вскипевшего чайника заливал в термос. Жена еле выпросила у него три дня в году на покупку игрушек в магазине: на Новый год, на день рождения дочурки и на свой.

Денег не было. Всё уходило на оплату съемной квартиры, коммуналку, продукты, бытовую химию, проезд, а лекарства они покупали раз в полгода.

Поначалу они скандалили. Да так, что ребенок нормально спал только в детском саду. Потом семья устала. Жене стало всё равно, дочурка уже не выбегала из детской с криком «папа приехал!», а когда он заходил в комнату, то отворачивалась и неумело притворялась, что спит. Конфеты, которыми её угощали жалостливые воспитательницы, она разрезала на несколько частей, чтобы поделиться с мамой и растянуть удовольствие.

Я поморщился, не стал заглядывать дальше и выбрал нужный подарок:

– С вас пятьсот сорок рублей. Будьте спокойны, у вас как раз останется на маршрутку до дома и на булку хлеба.

Помолчал и потянулся открывать подарок:

– Сначала посмотрю, что вы мне подсунуть хотите.

Я почти фыркнул, но сдержался:

– Уж получше вашей дырки от бублика для вашей дочурки вместо сладкого новогоднего подарка с работы.

Прикрыл рот пристыжено, сунул мне пятьсот пятьдесят рублей и получил обратно семь.

– Три рубля за любопытство. На трамвае поедете. И про хлеб не забудьте.

* * *

Через три месяца он опять нашёл мою лавку. Несмотря на то, что она каждый день открывалась в разных торговых комплексах. Захочет – в районе проспекта Автомобилистов, захочет – в центре города или ещё где. А мне туда ехать. Зато попасть ко мне не всякому дано. Чаще всего люди видят закрытый закуток с надписью «Идет ремонт. Администрация». Но этот вот попал второй раз. Повезло? Да нет. Шар помог. Сердобольный нашёлся.

Давешний покупатель с усталым облегчением протянул мне волшебный шар:

– Целую неделю вас искал. Почините, пожалуйста.

– Нет.

Он поник:

– Может, хоть деньги вернёте?

– Тебе не деньги, тебе семью возвращать надо.
– Но как. Ведь шар не работает.
– И правильно делает. Нечего было мечту на хотелку менять.

Он аж вскинулся:

– Да я же для них стараюсь!
– Не надо «ля-ля». Как тебе не стыдно, на своей семье экономить? Неужели ты думаешь, что этот кусок железа на колёсах дороже твоих близких?

– Внедорожник – это статус.

– В топку такой статус, из-за которого твоя семья нормально поесть не может. Каждый месяц забираешь деньги из зарплаты на свою хотелку, а домашним врешь, что оштрафовали на работе. Зачем? Чтобы неизвестно перед кем покрасоваться?!
– я глубоко вздохнул, отобрал у него волшебный шар и процедил: – Пшёл вон!

Ноги сами понесли его к выходу, а потом и на улицу. Халявщик нашёлся. Я ему, значит, продал волшебный шар, а он! Сперва всё было хорошо. Когда семья засыпала, им всем снился их уютный загородный дом, с лесом за забором, с банькой во дворе, с семейным ужином и песнями под гитару у камина, поэтому наутро они просыпались довольные, счастливые и сытые. Вот к чему стремиться надо. Только он выбрал лёгкий путь, понадеялся на волшебный шар и продолжал дальше копить на свою хотелку. Тогда я попросил круглого уснуть. Волшебный шар оказался своевольным, пожалел рассыпающуюся семью и привёл его снова в нашу лавку.

– Думаешь, помогло?

Круглый радостно засветился.

* * *

Через пару дней я смотрел на чистый холст в серебряной рамке, где сами вырисовывались картины из любого уголка планеты. Рядом нетерпеливо ёрзал волшебный шар. Через минуту на картине появился участок в пригороде Улан-Удэ, где стояла, обнявшись, счастливая семья. Помогло. Он плюнул на внедорожник, снял деньги со счёта и купил участок, где появится их дом. Тот самый, из снов.

ШЛЕМ

Снег цвета индиго неровной стружкой опускался на безлюдную дорогу. На ней лицом вниз лежал мёртвый рыцарь. Окружающий лес примерял необычную одежду из небесного холода и продолжал тихонько шуметь.

К вечеру снег побелел. На дороге появился скромно одетый путник. Его усталое лицо выдавало следы недавних побоев. К одному глазу он прикладывал снег, а другим смотрел вперед.

– А это что такое? – путник подошёл к телу, пнул его для острстки и перевернул. – Тьма и пепел! Рыцарь. Настоящий рыцарь. Чтоб мне демона за хвост поднять. – Он всплеснул руками. – Рыцарь. А говорят, что вымерли. Хотя и этот не особо живой.

Путник, смеха ради, надел шлем и с интонацией плохого актёра воскликнул:

– Бойся меня, дракон.

Помахав воображаемым мечом, он собрался было снять шлем и бросить обратно на дорогу.

– Ага, щас.

Истощенный вопль потряс скучающую округу. Покричит и утомонится. Ничего выдающегося.

– Приветствую тебя, недоРыцарь.

– Недо кто?

– НедоРыцарь. Все вы тут недоРыцари. – Шлем оказался тем ещё ворчуном, несмотря на молодой и бодрый голос. – Представь себе, теперь снег цвета индиго идёт чаще, чем я Рыцарей встречаю. Ладно. Раз ты меня надел, то будешь искать Рыцаря.

– Может, не надо? Отпусти меня. Я ведь всего лишь мелкий воришка.

– Почему мелкий?

– Потому что честный. Ну, сам посуди: «на кой ляд я тебе сдался?». Силой выдающейся не обладаю, сноровка чуть выше среднего, на коне скакать не обучен, копьё сроду в руках не держал, мадригалов сочинять не умею и ещё я лентяй первостатейный. Давай разойдёмся, и я никому ничего не скажу.

– Размечтался. Отпустить его, понимаешь, надо. Дулю тебе с маслом, а не «отпусти». Ты чего так испугался?

– Я не хочу закончить, как мой предшественник, – путник указал на тело и осёкся: на дороге лежал только доспех.

– А где этот? Ну, этот... как его? Он же только что тут лежал.

– Испарился.

– В смысле.

– В прямом. Неужели непонятно? Я-то думал, ты хоть соображаешь быстро. Что за люди пошли? Вернись обратно и всё ей выскажу. Всё-всё-всё выскажу. У-у-у, Рыжая. Ладно, поворчал и будет. Пойдём искать Рыцаря.

– У меня насморк. Нельзя с насморком кого-то искать. Тем более рыцарей.

– А мне фиолетово. Пойдёшь и всё. Я ведь существо благородное, поэтому сначала предлагаю пойти добровольно.

– В гробу я видал такое «благородство» и тебя вместе с ним.

– Между прочим, там спокойно и никто размышлений не прерывает.

– Так оставался бы там. Куда тебя нелёгкая понесла?

Шлем вздохнул:

– Меня попросили. Это важно.

– Да чтоб тебя! Делать вроде нечего. Я согласен. Только есть одна проблема.

– Говори. Только без обиняков.

– Я есть хочу, а денег нет. Тю-тю, тютейший тю-тю.

– А. Не страшно. Надевай доспех, там завалялась пара серебряников в кошельке.

* * *

Ближе к ночи путник в доспехах доковылял до небольшого Постоялого Дома на границе берега и леса. Внушающий всем своим видом уют и спокойствие, он смотрел на море со сдержанным достоинством, которое даётся выборочно и не сразу. Оглядев будущих постояльцев, Дом подобрался, и входная дверь глубоким грудным голосом осведомилась о цели визита:

– И?

– А ты будто не знаешь? Не в первый раз видимся. Устроил тут театр себя любимого.

– Угомонись. Проходи и новенький пусть гостем будет. А до скончания веков слушать твоё ворчание мне совсем не улыбаётся.

НедоРыцарь стоял, словно обухом оглушённый, хлопал глазами, пытался вымолвить хоть полсловечка, но язык его в тот миг записался в предатели отчества и покинул его.

Машинально он всё же переступил порог и вздрогнул от полной праведного гнева тирады:

– Ау! Мяу! Мой хвост! Мой бедный пушистый хвост! Негодяй! Да как ты посмел? Лежу, отдыхаю, думаю о хорошем, обмахиваюсь хвостом, люблюсь морем в окне и вдруг откуда ни возьмись появляется этот увалень и наступает мне на хвост. Что ты голову повесил? Стыдно? Правильно, стыдись! И не отводи взгляд. Аууу. Мой хвост. Держись, мой пушистый друг, я тебя сегодня снова вычищу до зеркального блеска. Мяу. Ау. О-хо-хо. Ау.

Кот остановился, чтобы перевести дыхание, и всем своим видом демонстрировал практически неодолимое желание задать основательную трёпку своему обидчику, однако не давал себе волю по причине исключительного воспитания. С видимым усилием пострадавший сдержал своё благородное негодование и предложил мировую:

– Вижу, кошель твой не пуст, поэтому вину свою ты можешь искупить. Не пожалей монеты звонкой, чтоб накормить прекрасного меня.

НедоРыцарь сначала не знал, куда податься, потому что хотелось и спать, и есть одновременно. Теперь стало яснее: сначала покушать, потом в горячую ванную и проследовать за сном. Шлем по окончании псевдовысокопарной тирады радостно вскрикнул, вызвав укоризненный скрип входной двери:

– Ба! Это ведь надо так. Вот кого не ожидал увидеть в Постоялом Доме, так это тебя, великий чревоугодник.

– Дружба с собственным желудком никому не вредила.

– Упасть и забыться! Да ты на нём женат.

– Ничего подобного. Мы просто очень хорошо друг о друге заботимся.

– Да? Как ты о нём печёшься, нам прекрасно видно. А каковы его заслуги?

– Где тебе, ворчуну железному, подобное понять?

– Прошу заметить, не железному, а посеребренному со стальным каркасом и войлочной подкладкой. А понять действительно тяжело. Думаю, придётся довольствоваться аналогиями твоего состояния после трапезы. Причём даже для приблизительного анализа мне потребуется самое меньшее дюжины две таких аналогий. Но, зная твою ленивость, бессмысленно рассчитывать на положительный результат.

Кот валяжно запрыгнул на барную стойку из красного дерева.

– Твоё занудство в отличной форме.

– Да ну вас всех вместе и по отдельности взятых. Малой, неси меня в библиотеку. Я как раз на пятом томе остановился.

НедоРыцарь продолжал ничего не понимать и решил отправить разум в краткосрочный отпуск, чтобы действовать согласно ощущениям. Поведение реальности лишила логику допустимого пространства, поэтому в подобные моменты стоит распустить парус и начать бороздить течение жизни с большим удовольствием под мышкой. Разум и удовольствия редко уживаются вместе. Так непривычно быть в балансирующем состоянии между этими ритмами себя. Но прочувствовать жизнь до капли случается именно в слиянии и переплетении сердца и разума.

Убрав в сторонку охапку философских мыслей, НедоРыцарь широко улыбнулся:

– И куда мне идти?

– Тьфу ты пропасть! Признаю, совсем забыл о том, что тебе тут в новинку. Идёшь прямо, потом налево и поднимаешься до семнадцатой ступеньки, где три раза хлопнешь в ладоши. Когда на лестничной площадке появятся семь дверей, войдёшь во вторую слева. Оказавшись в библиотеке, направишься в десятый зал ко второму стеллажу от окна, достанешь пятый, шестой и седьмой тома на букву «Мета» и, не раскрывая, положи их на янтарный столик. После того как столик загорится ровным жёлтым цветом, водрузи меня на верхний пятый том и можешь идти трапезничать.

Когда бывший воришка вернулся, кот победно вскинул хвост:

– Слава яйцам! Вернулся. Кстати, о яйцах. Ты мне обещал ужин. Поэтому доставай из кошелька серебряник, подойди к барной стойке и катни монету к меню. Когда она, отзвенев, исчезнет, чётко и внятно попроси ужина для меня, и о себе не забудь.

– А монета для чего?

– Наивный, неужели ты полагаешь, что припасы на кухне из ничего появляются? Ошибаешься. Приходится на рынке закупаться.

– Красота какая. И кто же туда ходит? Уж не ты ли?

– И я в том числе.

– Торговцы не пугаются? Всё-таки кот с деньгами и покупающий петрушку с укропом смотрится весьма необычно.

– Не бойся, дятел, деревьев хватит. Я у них любимый покупатель, и ждут они меня с нетерпением. А мои кулинарные советы вообще изданы отдельной книгой.

Словоизлияния кота были прерваны появившейся на столике едой. Серый и пушистый на бегу пробормотал пожелания приятного аппетита, доброй ночи, посоветовал не стесняться себя и с торжествующим мяуканьем принялся за еду.

НедоРыцарь себя торопить не стал и принялся за трапезу со спокойствием, прежде ему не свойственным. Когда червячок был заморожен всерьёз и до утра, молодой человек поднялся в спальню и мгновенно заснул.

Утро выдалось тягучим и пасмурным. Из кровати никто не просил, и недоРыцарь провалялся в постели до полудня. Голодный желудок лучше всяких птиц и зорей погнал его с кровати в трапезную залу. Посреди коридора сидел вчерашний кот и сосредоточенно водил по воздуху передними лапами. Стены из вековых деревьев были украшены узорными барельефами, а воздух пропитан умиротворяющим спокойствием. Красоты красотами, а кушать хотелось.

– Чего встал? Проходи давай.

Коту легко было говорить. Он, судя по всему, важным делом занимался. Тут максимум три человека протиснуться смогут. Обычного кота обошёл, и дело в шляпе. Этого поди да обойди. Кот размером с молодого медведя загораживал весь проход, и дальнейший путь не представлялся возможным. НедоРыцарь оценил ситуацию – не обойти и не перепрыгнуть.

– Не выходит.
– Тогда присядь и подожди.
– Чем ты занимаешься?
– Составляю многомерную мозаику счастья в другой реальности.

– То есть ты и там и здесь?
– Точно.
– Как тебе удастся?
– Я же кот предрассветного сумрака. У меня само собой получается.
– Интересно. Мозаику чьего счастья ты складываешь?
– Без понятия.
– Просто делаешь кого-то счастливым и всё?
– Конечно. Пусть во вселенной будет больше счастливых.

Это мой утренний ритуал.

– Сейчас почти обед.
– Так я утром начинаю и к обеду заканчиваю.
– Здорово.
– А то. Погоди минутку.

Кот умолк, движения его убыстрились, он начал кататься по полу, активно размахивать хвостом, вертеться волчком, потом снова сел на задние лапы и довольно промурлыкал:

– Знай наших. Ну всё. Пойдём, накормишь меня обедом.
– Хорошо. – Немного молчания. – Слушай, а вчера ты вроде был поменьше.

– Тебе от усталости показалось. Был точно таким же.

НедоРыцарь пожал плечами, и они направились в трапезную залу.

После обеда юноша с надеждой глянул в окно и отвернулся. Небо и море были под завязку набиты серым однообразием, а облака и волны с нарочитой неторопливостью не жили в своих пространствах. Тоскливо. НедоРыцарь решил добавить света в зале, взял табурет и подошёл к люстре, чтобы добавить масла или подрегулировать фитиль. Кот на мгновение отвлёкся от молока и вполголоса заметил:

– Сначала посмотри.

Юноша призыв проигнорировал и со стоявшей на каминной полке маслёнкой поднялся на табурет. Внутри шарообразной люстры теплился огонёк, недоРыцарь снял крышку, но долить масла не успел:

– Здравствуй, человек.

При виде разговаривающего пламени юноша чуть не свалился и поспешно спустился на пол, дабы не искушать обстоятельства. Кот, аккуратно умываясь, укоризненно промурлыкал:

– Эх ты.

Тем временем огонёк выбрался наружу и грациозно спрыгнул на табурет. При ближайшем рассмотрении разговаривающий пламень оказался пушистым комочком с чёрными пронзительными глазами. Кот приветственно поднял лапу:

– С пробуждением, Искрарий.

– И тебе доброго бытия.

Кот деловито повернулся к юноше:

– Раз уж ты его разбудил, тебе его и кормить. И мне вкусняшку закажи.

– Имей совесть, ты же только что поел.

– Это не мешает мне ещё чуток подкрепиться.

Огнистый пушистик в три прыжка очутился на обеденном столе и, подняв пышный хвост, степенно вымолвил:

– На кухне осведомлены о моих предпочтениях.

– Малой, а мне печень в сливках, гречку с карри и тимьяном и медового молока. А себе закажи десерт на усмотрение Дома.

НедоРыцарь привычно достал серебряную монету, исполнил ритуал призыва яств и сел за стол, гадая о вкусах для него приготавливаемых.

– Тут умеют приятно удивить, поверь моему слову.

Хвост пушистика взвился сполохом:

– Меой, как тебе не стыдно. Представь нас друг другу и скажи молодому человеку, что тарашиться на меня, по меньшей мере, неприлично.

– Знакомьтесь, Искрарий, это Мелвор. Мелвор, это Искрарий.

– Откуда ты знаешь моё имя? Я же никому не представлялся.

– Мелвор, я кот предрассветного сумрака или нет?

– Кот.

– Тогда зачем спрашивать?

Пока Меой проводил ликбез для недоРыцаря, пушистик лихо расправился с кушаньями и тихонько посмеивался, глядя на Мелвора. Искрарий вежливо кашлянул:

– Господа, мне пора.

Пушистик запрыгнул на подоконник, рама распахнулась, и он выпрыгнул наружу.

– Куда это он?

– На небо.

– На небо?

– На небо. Будет солнце замещать. Светило решило немного передохнуть и доверило свою роль нашему Искрарию.

– А вдруг заметят подмену?

– Смешной ты. Триста лет ничего не замечали, а сегодня вдруг заметят.

Мелвор ошарашено молчал.

– Ты как хочешь. А я на крышу. Понежусь. Мур.

Юноша потрянул головой, снова сел за стол и принялся доедать свой бесподобный десерт, запивая душистым чаем.

Вскоре погода наладилась. Мелвор налил себе ещё чаю в большую кружку и вышел на веранду. Море, солнце, тёплый плед, снег, диван-качалка с тентом и никуда не торопишься – хорошо. Мерный плеск волн. Мы лишь пыль на ветру? Зачем ощущать себя песчинкой? Восхищаемся одними и говорим: «Не человек – глыба». Некоторым хочется быть скалой. Суровой, упирающейся в небо, просто так неприступной. Для чего? Лучше стать морем. Оно с лёгкостью поглотит и камни, и глыбы, и скалы. Горы могут только укутаться облаками. Морю для касания неба нужен лишь один горизонт. Оно неисчерпаемо. Что ему тревоги и волнения? Море спокойно на поверхности, а внутри всё в неспешной гармонии.

– Занятные мысли. Жаль не мои, – раздался сверху голос кота.

– И не мои тоже, – отозвался Мелвор.

– Пусть будут. Кстати, тебе пора навестить шлем в библиотеке. Как пройти помнишь?

Юноша кивнул.

В библиотеке довольный шлем распевал песни, а янтарный столик светился всевозможными оттенками жёлтого и оранжевого.

– Малой, ты как раз вовремя. Выглядишь не в пример лучше вчерашнего. Побудешь здесь ещё недельку, справишься и в путь. А сейчас закрой рот и прекрати стоять столбом.

– Я от удивления.

– Тогда сделай чудеса нормой жизни.

– Тебе легко говорить.

– А тебе легко сделать.

– Может быть.

– Ещё как может быть.

НедоРыцарь недоверчиво покачал головой. Шлем натурально вздохнул:

– Эх ты. Волшебство видел?

– Видел.

– Так чего тебе ещё надо?

– Не знаю.

– Тебе не нужно знать, верь.

– Странно это всё.

– Разумеется, странно, но с чудесами иначе не случается.

Ладно. Поверишь и сразу поймёшь.

НедоРыцарь снова покачал головой, а потом кашлянул в кулак и спросил:

– Ты знал про солнце?

– Да.

– Но почему?

– Наш Искрарий – пушистик с необъятным сердцем и гигантским самомнением. Такие от роли солнца не отказываются. Он только рад и никому не уступит своего места на небе. Думается мне, что об остальном ты сам догадаешься. А сейчас встань возле окна лицом на север, сделай пять шагов вперёд и три влево. На это место подкати столик. Поставь книги обратно на полку. Это они хорошо придумали. Теперь я могу прочесть любую книгу в этой библиотеке. Так, ещё чуток, немного правее, хорошо. Иди. Увидимся через неделю.

Время до отбытия лихо протанцевало положенные па.

Хлоп. НедоРыцарь проснулся от жуткого грохота посреди ночи. Оказалось, что пушистик гонял кота за съеденный

кусочек мяса с его миски. Меой был раз в пятнадцать больше Искрария, однако последнего данный факт волновал меньше всего. Да и совсем не тянуло попадать под раздачу, поэтому он шустро улепётывал от разгневанного пушистика по необъятным просторам Постоялого Дома. Сам кусочек был небольшим и особой роли в трапезе не играл, но разошедшийся его величество Принцип настоял на проведении шумного преследования с препятствиями.

Хлоп. После зажигательного танца и продолжительных аплодисментов утомившийся кот случайно начал есть не из своей тарелки. Пушистик ему ни на грош не поверил, поэтому юноша заказал ещё одну порцию для успокоения уже начинавшего дымиться Искрария.

Хлоп. На кота нашло философско-поэтическое настроение. Он смотрел на послезакатное море, читал стихи нараспев и машинально ел из всех тарелок. Когда Искрарий это заметил, Меой был вынужден пару дней скрываться в библиотеке, а Мелвор тайком кормил его по ночам.

Хлоп. Юноша верхом на коте мчался вдоль берега и восторженно смеялся. Возле башни в начале Почти Бесконечного Моста юноша спешил. Кот с фырканием встряхнулся. Неожиданно на миг стало немного темнее.

– Что это?

– Это Искрарий тебе подмигнул и пожелал удачи.

– Здорово. А скажешь кому, что тебе солнце подмигивает, так никто и не поверит.

– Ну и пусть. Ты-то знаешь, кто прав.

– А ведь верно. Слушай, а почему шлем остался в библиотеке? Я думал, что он мне поможет.

– Никогда не думай за других. Брось это глупое и бесполезное занятие. Будь уверен в лучшем, но не вздумай строить планы.

– Как всё сложно.

– Всё просто.

– Хочу надеяться.

– Вот глупый человек. Тебе неделю говорят, что нужно верить, а он надеяться хочет. Ладно. Для начала можешь надеяться.

– И на этом спасибо.

- Всегда пожалуйста и в любых количествах.
- А что мне теперь делать?
- Придумаешь. Я побежал, скоро обед.

* * *

Кот умчался. Юноша помахал ему вслед и обошёл вокруг башни в поисках двери. Безуспешно. Он ещё раз обошёл вокруг башни. Результат был только в отсутствии такового. НедоРыцарь сел на лавку возле башни. Вдруг дверь сама появится. Ничего не случилось. Как водится.

Если собрался творить невероятное, то изволь мыслить вне обычных категорий. Когда до Мелвора дошла эта простая мысль, он огляделся вокруг и, не найдя ничего подходящего, развёл костёр. Натаскал сухих веток и хвороста, жёлтых еловых лап и с помощью огня высек искру. Когда костёр погас, юноша улыбнулся и осторожно взял остывающий уголь в руки. Потом он подошёл к башне и нарисовал для себя дверь на стене. У него было чувство, что всё правильно. Несколько мгновений спустя по стене пошла рябь, и нарисованная дверь, словно занавес, разошлась в разные стороны.

Ступеньки. Чистые и аккуратные ступеньки из белого мрамора, как и вся башня. Около четверти часа спустя Мелвор оказался на открытой площадке наверху башни, где за белым низеньким столиком сидел ёжик в панамке с пером и пил молоко из фарфорового зелёного кувшинчика.

Чисто, уютно, тепло. Интересно. На улице снег периодически идёт, а тут тепло. Блик на стекле. Понятно. Под куполом всегда теплее.

Ёжик приветственно поднял лапку и продолжил пить молоко мелкими глотками, растягивая удовольствие. Почти полсотни зелёных блюдец на широкой белой столешнице. И ни одно не пустовало: аккуратно нарезанные кусочки всевозможных сыров, коврижки, галеты и печенюшки. Ёжик приподнял край панамки.

- Приветствую тебя, недоРыцарь. Перекусить изволишь?
- Конечно, кот меня приучил.

Ёжик рассмеялся:

- Меой себе не изменяет. Погоди немного.

Ёжик ловко спрыгнул со стульчика, юркнул в одну из дверей за своей спиной и вернулся с оранжевым пуфиком.

– Располагайся. Меня зовут Люм Игольчатый.
– А я Мелвор. Просто Мелвор.
– Очень приятно. Мелвор, ты какое молоко предпочитаешь?

– Никогда об этом не задумывался.
– Хм, – Ёжик задумчиво потёр свой носик. – Тебе придётся довериться моему вкусу.

– Легко. От тебя теплом веет.
Ёжик опять юркнул на этот раз в другую дверь и вскоре вернулся с ещё одним зелёным фарфоровым кувшинчиком.
– Прошу. Парное. Холодное. Лучше пить неторопливо и тихо наслаждаться моментом.

– Благодарствую.
Удобно устроившись на пуфике, недоРыцарь сотворил бутерброд из кусочка свежего ржаного хлеба и крошащегося ломтика феты, наслаждался вкусом и послевкусием, после чего услышал вежливое покашливание ёжика:

– Прости мне мою бестактность, но ответь на один вопрос.
– Спрашивай.
– Я правильно понял, что ты из рода человеческого?
– Да. Я – человек.
– Хм, – Ёжик снова потёр свой носик. – А тебе не кажется, что вас, людей, в большинстве своём проклинали на несколько веков вперёд?

– Почему ты так решил?
– Сам посуди. У вас если не всё, то очень многое. Но как вы умудряетесь не уметь пользоваться своими дарами?

– А поподробнее.
– Взять, к примеру, молоко. Солнце светит всем одинаково, трава растёт для всех, но почти все вы совершенно не умеете ухаживать за своими коровами, поэтому и молоко у вас очень редко получается вкусным. А про городское молоко я лучше умолчу.

Юноша отхлебнул из зелёного кувшинчика молока, и его вкус подтвердил правоту ёжика. Мелвор даже вздрогнул. В городе под видом молока его поили чем угодно, только не настоящим молоком.

– А по количеству самостоятельно и настоятельно загубленных талантов вам, людям, нет равных. Помню, жил я

рядом с мельницей. Возле ручейка на опушке свил себе гнездо. А по вечерам ко мне приходил сын мельника, и мы смотрели на звёзды. Он приносил молоко в кувшинчике и свежий хлеб. Вкуснотища. А мальчик был талантлив. Весьма талантлив. У него получались совершенно изумительные фигурки из дерева. Он мог изобразить самую невероятную историю, и я в них верил. За годы историй накопилось на четыре книги, а фигурок на три больших шкафа. Мальчик вырос и начал приходить всё реже. Как предсказуемо. Его отец был мельником, дед был мельником и прадед тоже был мельником. Тяжело идти против традиций. Поэтому он и стал ещё одним мельником. Мальчик превратился в угрюмого, немногословного и одинокого мужчину. Он обнёс свой дом забором и всегда закрывал калитку. Я хотел его навестить, но он никого не хотел видеть. Однажды мельник пропал. Через месяц, пока не приехал новый мельник со своей семьей, я пришёл в опустевший дом, забрал все фигурки, сложил их в большую котомку и ушёл к морю. Здесь, возле башни, меня встретила Альтариэль – хранительница и дворецкая Почти Бесконечного Моста. Тут хорошо, душевно и радостно. Я смотрю за садом и галереей, ухаживаю за нашими коровками и готовлю сыры, творог, а по праздникам торты на молочном тесте.

– Грустная история.

– Какая есть. Мало того, что живёте совсем недолго, так ещё и жить толком не научитесь. Бьётесь словно рыба об лёд, когда в двух шагах есть прекрасная полынья.

Ёжик засмотрелся вдаль, задумчиво поедая кусочек белого сыра с жёлтыми разводами, допил молоко, собрал пустые блюдца и отнёс их на мойку, что аккуратно была пристроена у края левой стены. Юноша продолжал неспешную трапезу, погружённый в атмосферу рассказа Люма.

– Мелвор, – Ёжик тактично вернул его в свой слой мира.

– Да?

– Будь любезен, отнести посуду в мойку после трапезы. Меня передёргивает от неряшливых столов.

Юноша кивнул, доел бутерброд с тонким ломтиком белого сыра, допил мелкими глотками молоко и отнёс блюдца вместе

с кувшинчиком куда следовало. Люм удовлетворённо кивнул, лёгким движением поправил перо на панамке и жестом пригласил следовать за ним.

– Добро пожаловать в улыбающиеся покои, – Ёжик снова кивнул, приподнял край панамки и с достоинством вышел, прикрыв за собой дверь.

Мелвор огляделся. Покои, спору нет, были прекрасны, изумительны, необычны, но почему улыбающиеся? Позже, когда он шёл по оранжерее в сторону моря и оглянулся, ответ был явлен. Широкое панорамное окно и два круглых окна-розы над ним придавали покоям тот самый улыбающийся вид. Башня не скрывала своих радостных эмоций. В солнечную погоду она сияла улыбкой, в ненастье излучала отстранённую и светлую грусть, а ночью умудрялась подмигивать.

А пока юноша видел перед собою ещё одно в высшей степени странное помещение. В середине покоев из пола вырастала изящная мраморная рука по локоть. словно заправский кукловод, она держала на своих серебряных цепях-ниточках ванную из чистого мифрила. При желании из её ладони мог пойти дождь любой интенсивности и температуры. Главное, не переборщить, а то борьба с импровизированным потопом отнимет уймову тучу сил и времени.

– Ты чего тут встал, будто тебя вкопали с особым усердием?

Люм уже успел вернуться, чтобы проверить, как устроился Мелвор. Юноша продолжал молчать и смотреть в окно на море. Ёжик, не долго думая, отвесил ему полноценного волшебного пендаля и стряхнул с него лёгкое оцепенение.

– Значит, так. Видишь, по левую руку от тебя два кресла у камина. Садись в ближнее.

– А дальше чем плохо?

– Во-первых, это любимое кресло Альтариэль, а во-вторых, над ним висит рояль.

– Что он там делает?

– Альтариэль на нём не играет, сам рояль никого к себе не допускает, кроме хозяина, да вот хозяин будет только ей известно когда. К тому же если рояль упадёт, ты не успеешь отпрыгнуть в сторону.

– А она?

– А она успеет. Ведьмачье прошлое.

– Она бросила это занятие?
– Да. Говорит, после того как душу искала. Больше ни о чём не рассказывает.

– И не расскажу.

– А вот и Альтариэль собственной персоной. Знакомьтесь. Мелвор, это Альтариэль. Хранительница и дворецкая Почти Бесконечного Моста. Альтариэль, это Мелвор. НедоРыцарь, судя по всему.

Ёжик снова приподнял край панамки и с чувством выполненного долга удалился.

Альтариэль с привычным удобством устроилась в любимом кресле, тряхнула огненно-рыжими волосами и улыбнулась. Мелвор побледнел, ведь при всём очаровании этой самой улыбки две пары тонких, практически вампирских клыков вещали о хищной натуре своей хозяйки. Мелвор безуспешно попытался отодвинуться. Хранительница от души расхохоталась.

– Смешной ты.

– Я не смешной, я осторожный.

– Заметно осторожный.

– Вдруг ты кусаешься?

– Кусаюсь. Редко и насмерть.

– И ты так спокойно об этом говоришь.

– Да. Ты спросил, я ответила.

Мелвор только руками развёл и рассмеялся. Смеялись долго и с удовольствием. Альтариэль изображала его робкую попытку отодвинуться, и дворецкая и недоРыцарь снова заливались хохотом. Наконец, они успокоились, отдышались и помолчали.

– Я вот подумал... – договорить юноше не пришлось. Хранительница хлопнула в ладоши и указала за спину недоРыцарю. На той фиолетовой мозаичной стене белели письма: «порою мыслям полезно заткнуться».

Да-да. Именно заткнуться. Не приумолкнуть, не притихнуть, не стусеваться, а именно заткнуться. Когда внутри копошатся смутные сомнения, глупые вопросы и необязательные угрызения из когорты «а-вдруг-тут-что-то-не-так?», тогда и

устраивается генеральная уборка собственного сознания. Отбрасываем лишние мысли и начинаем заниматься трудотерапией или любым другим делом.

– Какая прелесть.

– В смысле?

– Неприкаянные мысли рядом прогуливаются. Это в его стиле. Поэтому и попросила изобразить себе такую надпись на стене. У него своеобразное чувство юмора.

– У кого?

– У Моста. У кого же ещё? Ты разве не слышал этой легенды?

– Нет.

Альтаризель покачала головой.

– Бывает. Тогда слушай.

Она на мгновение прикрыла глаза.

– Давным-давно, когда солнце было полно сил и радости и не помышляло удаляться на покой, а прибрежный лес только начал разрастаться, стоял возле моря замок молодого лорда. Стоял недалеко от нашей башни.

Каждый вечер молодой лорд выходил на террасу, пил свой душистый чай и смотрел на море. Его вечер был неполон без её неясного, но притягательного образа вдалеке.

А она? Она любила танцевать на линии горизонта и вплетать лентами лучи закатного солнца в свои слегка непослушные волосы. Ей нравилось кружиться там именно вечером, потому что в сумерках чудес происходит больше. Всякий раз она танцевала как в последний – и горизонт сиял жизнью и лёгкой печалью.

Однажды море взволновалось, и шторм закрыл собою касание воды и неба. Люди стали избегать берега моря. Говорили о странных словах, лишаящих разума и спокойствия. Говорили о зрячих, но невидящих глазах закатного призрака. Говорили, пугливо озираясь.

Обеспокоенный молодой лорд решил лично проверить: кто же навёл такого страха на его подданных.

На пустынном берегу рассыпался резкими порывами ветер, нервно царапали песок волны и меняла очертания грустная фигурка на сером камне. Лорд узнал её. Сжавшись в комочек и уткнувшись подбородком в коленки, она смотрела сквозь шторм и повторяла одну фразу: «Я не хочу быть нормальной,

я хочу быть счастливой». Волны повторяли за нею, ветер выкрикивал с нею, лес шелестел вместе с нею, лишь камни хранили молчание.

Он тихонько укутал её своим плащом и без единого слова просидел рядом всю ночь и весь рассвет.

Потом молодой лорд вернулся в свой замок, выплатил жалование слугам на десять лет вперёд, закрыл за ними ворота, заварил себе любимого чая, вышел на балкон, степенно вкусил ежедневную трапезу, что, шмыгая якобы от насморка, оставили ему его повара, и вернулся в свои покои. Неведомо кому и неведомо что отдал он той ночью, но на следующее утро замок пропал, а здесь появился Почти Бесконечный Мост с входной башней без дверей.

Лишь для нее мост сам открыл свою башню, чтобы она смогла уйти за горизонт.

Эхо её слов ещё долго носило по берегу, а редкие смельчаки, так и не добравшись до башни, поворачивали обратно. Люди испугались шепчущего моря, поэтому здесь чисто и спокойно.

– А ты почему здесь?

– Я жду своего лорда. Мост меня принял и сотворил эти покои.

– И когда он вернётся?

– Они. Они вернутся. Вдвоём, взявшись за руки и тихо улыбаясь друг другу. Они вернутся, когда я смогу нарисовать настоящий рассвет. Тем утром Люм будет готовить завтрак, я буду спать, а они войдут сюда на цыпочках и аккуратно спустят с потолка рояль. Лорд будет играть её любимую песню, а леди встанет у него за спиной и будет вполголоса напевать. Чтобы не смутить её, он не станет оглядываться, а будет любоваться её отражением.

– Здорово. Вот только я не пойму: при чём здесь нарисованные рассветы?

– Всё дело в гармонии.

– Ничего не понимаю.

– Посмотри на картину над камином.

Поднялся занавес над камином, и Мелвор восхищённо выдохнул. Перед ним висел шедевр. Закат на картине казался юноше более настоящим, чем он сам. Эмоции вздымались

горными грядками, вместо слов вырывались восхищённые и нечленораздельные звуки, а жесты метались беспорядочными волнами в десятибалльный шторм – восторг, одним словом.

Улыбка Альтариэль была переплетением светлой печали от неслучившегося чуда и гордости за своё творение:

– Вот видишь. Когда я достигну гармонии в своей душе и смогу нарисовать равновеликий Рассвет, тогда они вернутся. Пока получается нечто близкое, подобное и временами конгениальное, но это не Рассвет. Пять галерей уже увешаны такими картинами, и если понадобится, я ещё столько же нарисую, но час Рассвета непременно настанет.

– У тебя получится.

– Я знаю.

Появившийся в дверях Люм ударил в музыкальный треугольник и возвестил:

– Вечерняя трапеза. Прошу за мной. Кто опоздает, тот будет есть холодным.

– Люм, золото ты моё панамистое. Спасибо. Ты как всегда вовремя. Пойдём, Мелвор. Тебе завтра в путь.

* * *

Вечер застал юношу сидящим спиной к гостеприимно распахнутым воротам. Пару мгновений назад Искрарий улетел творить закат, и последний получался отменным. Пушистик вовсю расстарался и устроил на небе целое представление из облаков, ветра и всех переливов красного и оранжевого. В вышине разворачивался целый эпос россыпью сражений, битв, королей, драконов, а красавицами и рыцарями можно было запрудить маленькое море.

Последнюю битву двух облачных армий пронизывали кроваво-красные лучи, Мелвор от ожидания стал притоптывать на месте, воины готовы были ринуться в атаку, как налетел ветер и разметал всю картину по небосклону. Потом пушистик не удержался и составил послание: «Финал увидишь по возвращении».

Мелвор встал с оранжевого пуфика, положил его в сумку к пледу и направился в холодную темноту лабиринта. Створки ворот мягко закрылись, и юноша нервно усмехнулся.

А какое хорошее выдалось утро. НедоРыцарь проснулся как раз к торжественному завтраку, где было весело и вкусно.

Неважно, кто и о чём говорил, зато он помнил, как довольно улыбался Люм, поправляя свою панамку, и с каким аппетитом Альтариэль поедала сметану, и как звонко и дружно они смеялись, и как вкусны были гренки с тремя сортами сыра, и как было тепло и уютно.

Потом Люм снабдил юношу двумя дорожными сумками: одна с провизией, другая с пуфиком и пледом. Хранительница проводила его до двери в конце оранжереи, улыбнулась и погладила его по голове со словами:

– Хороший ты. Глупый, правда. Но хороший.

Юноша даже моргнуть не успел, как чуть скрипнула дверь, и она втолкнула его в мерцающий проём. Мелвор попятился, на миг увидел мириады бликов и очутился у подножия какой-то горы перед тропинкой, ведущей наверх.

– Ух ты! Снова недоРыцарь. Молодой ещё, но до горы добрался. Мальчик, а как тебя зовут?

– Мелвор.

– Интересное имя. Забавное. А я Птичка. Просто Птичка. Летаю тут вокруг да около. Смотрю. Хотя нет, лучше сказать, наблюдаю. Так здорово. И любопытно. И так хочется увидеть новые лица, познакомиться с интересными существами. А где твой шлем?

– Шлем?

– Ага. Серебристый такой. Ворчун страшный, но занятный. А главное, вечно огрызался и бурчал. В прошлый раз он уже раз пятнадцатый приходил или двадцатый. Ну что-то около того. Он ищет Рыцаря. Причем самому шлему этот Рыцарь и за деньги не нужен. А вот ищет его и всё. Зачем? Сколько ни спрашивала, а всё не признавался и ворчал. Вежливый шлем попался. Потому что бурчал, а не ругался, как те люди в доспехах.

Юноша понимающе улыбнулся. Птичка порхала вокруг, продолжая щебетать с такой скоростью, что бабки на базаре казались поборницами неторопливой речи. Когда она слегка утомилась и, продолжая разглагольствовать, парила над Мелвором, он смог-таки её разглядеть. Птичка была немногим больше ласточки, смотрела на мир восторженными чёрными глазами, а оперение переливалось всеми цветами радуги.

– Слушай, а каково это?

– Что?

– По земле ходить? На земле спать? Или падать на землю?

– А ты попробуй.

– Не хочу. Днём я всё время летаю, а сплю на облаках. Умываюсь я в водопадах. Правда, зимой там холодно, зато я самая закалённая Птичка на свете. Вот смотрю я на тебя и думаю: а ты закаляешься? Наверное, закаляешься. Вид у тебя вполне здоровый. И носом ты не шмыгаешь. Значит, закаляешься.

Юноша покачал головой.

– Нет? Странно. Ну ладно, бывает. Зато никогда не поздно начать. Хотя в твоём случае... А что такое случай? Говорят, что случай – это двоюродный брат судьбы. Придумают ведь. Интересно, а откуда я помню эту фразу? Эмм. Забыла. Раз забыла, так забыла. Нет, ты не думай. С памятью у меня в основном порядок.

Мелвор продолжал подниматься по заснеженной тропе, петляющей среди роскошного хвойного убора тихой горы.

– Представляешь? Хотя лучше не надо. Воображение всегда рисует другие картины. Я вот тебе про одно рассказываю, а ты точь-в-точь всё равно не представишь, если не видел своими глазами. Да и если видел, всё равнообразишь иначе. А тебе всё равно расскажу. Однажды я пролетала над странной землей. Там нет ни старости, ни смерти. Там растут деревья, которые умеют исполнять желания, когда к ним прикасаешься. Там все-все-все животные спокойно разговаривают с людьми. Я даже подумывала там остаться, только они просят непомерную цену. Нужно отказаться от самого дорогого. Ладно бы я была каким-нибудь виршеплётom и отказалась бы от возможности писать новые строчки. Подумаешь. Не вышло бы поэтишки, получился бы хороший ворчун или средний критик. Так они ведь меня неба лишить хотели. Дескать, летать будешь совсем немного. Это ведь надо же? Вот я им хвостом и махнула.

НедоРыцарь уже понял, что проще дракона приучить к вегетарианскому меню, чем заставить Птичку замолчать. А она всё говорила и говорила, говорила и говорила, пока, наконец, в сгустившихся сумерках юноша не вышел к воротам Лабиринта.

– Что это?

– Мне самой интересно, только вот обратно ещё никто не выходил. А если бы вышел, то я бы его основательно расспросила. А не выходят и всё.

– Всё потому, что выход из Лабиринта вообще в другом королевстве, – Искрарий появился неожиданно и очень вовремя.

– Ух ты! Какой большой лабиринт. А откуда ты знаешь, что это Лабиринт? Может быть, там и не Лабиринт вовсе? И откуда ты знаешь про выход? И в каком именно королевстве этот выход находится?

Спустя час бесперебойных расспросов, рассказов и даже каких-то песен Искрарий подлетел к Мелвору и прошептал:

– Тебе Птичку жалко?

– Нет.

Мелвор уже доедал последний бутерброд, когда Искрарий честно предложил ему кусочек свежезажаренной Птички. Юноша отказался. Пушистик хмыкнул:

– Ну, как знаешь.

Тишину разбавляли шаги, а темноту разбавить было нечем. Оставалось идти только вперёд. Холодно. Мелвор укутался в плед и в который раз поблагодарил про себя Люма. Иногда бывают периоды, когда ты идёшь один, не видя ничего, скорее по привычке, и чувствуешь только окружающее безразличие. А ты стискиваешь зубы и без веры в «прекрасное далёко» продолжаешь идти. Зачем? А вот идёшь и всё, загоняя рациональные доводы о бесполезности такого пути под плинтус.

Вдруг со звоном упала капля, потом другая, а следом ещё и ещё. У каждой капли был свой звук падения, а вместе у них получалась мелодия. Как? Неизвестно. Темнота всё скрывала и словно произносила: «Ты слушай и не отвлекайся». НедоРыцарь продолжал идти в кромешной тьме под отстранённую мелодию капель. Зазвучала флейта, и Мелвор ускорил шаг. Там впереди кто-то был.

Темнота отступила на второй план, а мысли о напрасности похода умчались за горизонт сознания. Благодаря флейте мелодия приобрела новые настроения. Она менялась от философской задумчивости до лиричности, от печали по неизбежному до грусти, приходящей из ниоткуда. Музыка

становилась отчётливее. Темнота оставалась такой же непроницаемой. НедоРыцарь вытянул правую руку вперёд и зашагал на звуки флейты и капель. Некоторое время спустя он нащупал оказавшуюся пологом плотную ткань, откинул её и вошёл.

Мелвор оказался в большой пещере со множеством факелов, в центре которой сидел в позе лотоса человекоподобный ящер в чёрных одеждах и играл на флейте. НедоРыцарь замер на пороге. Ящер довёл свой пассаж до логического завершения, отложил инструмент, а через пару мгновений хозяин пещеры оказался рядом с юношей и вперил в него немигающие зелёные глаза:

– О какой мечте ты забыл?

– Чего?

– О какой мечте ты забыл?

– Ни о чём я не забывал.

– О какой мечте ты забыл?

– У меня всё хорошо.

– О какой мечте ты забыл?

– Прекрати.

– О какой мечте ты забыл?

– Иди ты в пень!

– О какой мечте ты забыл?

Мелвор сел на холодный пол, тяжело вздохнул и закрыл ладонями лицо:

– Я забыл о себе настоящем.

Ящер понимающе кивнул, помог юноше подняться и дойти до стола. Потом он налил в обшарпанный кубок самогона и заставил выпить:

– Благодарен будешь.

Мелвора передёрнуло, но стало легче. Хозяин пещеры многозначительно прокашлялся и на столе появился ещё один выдавший виды кубок.

– Ещё выпей.

Юноша снова залпом осушил кубок и достал из сумки вяленое мясо, сало, плетёный сыр, хлеб и зелёный кувшинчик. Рептилоид вопросительно приподнял бровь.

– Всё нормально, там молоко, – успокоил того недоРыцарь.

– Молоко?

– Да. И очень вкусное.

Ящер чуть под стол от хохота не свалился:

– Это надо же так себя не любить? Самогон запивать молоком. – Всхлип. – Не могу больше. Дай сюда. На утро оставим.

Юноша неловко молчал и задумчиво жевал плетёный сыр. Ящер налил себе ещё самогона, выдохнул, залпом выпил, неторопливо выдохнул и закусил бутербродом из чёрного хлеба и сала. Тишина обернула каждого из сотрапезников своим тяжёлым пледом.

НедоРыцарь последовал примеру рептилоида, только закусил вяленным мясом. Хозяин пещеры отстранённо выступкивал на столешнице своими ухоженными когтями неведомый ритм. Так продолжалось бутылки три. Наконец, Мелвор решился спросить:

– Скажи мне, понимающий ящер, как себя настоящего обрести?

– Ты уверен, что я тебе отвечу?

– А у тебя убудет?

– Слегка.

Юноша взволнованно выдохнул:

– Ничего себе. У тебя есть волшебный напиток, что помогает себя обрести?

– Заваялся где-то. Будешь?

– Спрашиваешь тоже. Буду.

Ящер звучно щёлкнул пальцами, и на столе появился невысокий тонкий бокал из алеющего хрусталя с золотистым напитком.

– Прошу.

– Спасибо огромное.

– Выпей и закрой глаза.

Юноша так и поступил. Рептилоид бесшумно подошёл к человеку, отточенным движением дал ему по голове, и Мелвор без сознания повалился на пол.

– Волшебный-шмалшебный, – проворчал ящер. – Если голова на плечах не зря посажена, то сам поймёт.

Потом хозяин пещеры посмотрел на человека и собрался отнести его на кухню, дабы приготовить из него какую-нибудь вкусность.

Однако, легко закинув юношу на плечи, он перенёс его к камину, развёл огонь и укрыл Мелвора одеялом, потому как придумал новую мелодию и решил не возиться с готовкой.

Разрозненный лязг проржавевших доспехов кромсал тишину. Потом нестройные глухие голоса затянули песню о забытом ими свете дня. Эхо подвывало следом.

Мелвор проснулся и обнаружил в пещере только ящера. Последний читал книгу в потрёпанном кожаном переплёте и пил мелкими глотками из старого серебряного кубка. Заметив юношу, хозяин пещеры указал недоРыцарю на родник, журчащий справа от него. Вой и скрежет не утихали. Мелвор умылся и подошёл к ящеру:

– Что это?

Рептилоид вынул затычки из ушей:

– Повтори.

– Что это?

– Это безлунный парад.

– Этот лязг и жуткие голоса?

Ящер кивнул.

– Так получилось. Тут очень хорошие и отзывчивые недра. Даже слишком. А забытые недоРыцари не ведали и не чувствовали, как быть с этой особенностью. Они полагали, что внутри Разбросанных Гор должно быть темно, мрачно и страшно. А ещё и холодно. «Как хотите», – решили недра. А в таких условиях остаются только унылые мысли о скорейшей смерти. Один постоянно думал о том, как бы повеситься. Появилась добротная виселица с шёлковой верёвкой. Другой боялся поскользнуться и упасть на отравленный шип. Пожалуйста. Поскальзывайся и умирай. Третий упал в глубокое ущелье. Так и повелось. Недра воплощали смерти на любой вкус: которых очень хотелось и которых очень не хотелось. А безлунными ночами мёртвые недоРыцари медленно идут к запёртым воротам, напрасно стучатся в них и поворачивают обратно. Всё бы ничего. Ну прошли, ну постучались, ну огорчились, ну пошли назад. Да сколько угодно. Так нет же. Они ещё и поют. Отвратительно поют. Поэтому я выпиваю чего покрепче и сплю беспробудным сном. А сейчас не вышло. Зачитался. Ну да ладно. Я это быстро исправлю. Вот узнаю, чем закончилась первая часть, и спать пойду.

- А не страшно?
- Нет. Я-то им зачем? Походят и успокоятся. Самогону? Юноша покачал головой:
- Мне нужно дальше идти.

– А ты уверен, что это именно тебе нужно? Ведь всю твою жизнь за тебя решали другие, и в путешествие за Рыцарем ты не по своей воле отправился. А теперь у тебя есть выбор. Оставайся и выпишись, а утром я выведу тебя наружу. И никто тебе слова не скажет. А чем дальше, тем меньше ты сам будешь верить в то, что с тобой случилось. Я дам тебе ларец с драгоценными камнями, жить будешь припеваючи. А всего-то нужно поспать и уйти.

- Я пойду. Я обещал.

Хозяин пещеры улыбнулся и крепко пожал юноше руку. Потом посмотрел на полог и грозно прошипел:

- А ну быстро умолкли там. И рассыпались в прах.

В наступившей тишине зазвучала умиротворяющая мелодия капель.

– Бери вещи. Пойдём, провожу тебя до чертогов Владыки лабиринта.

- А если бы я решил уйти?
- Всё взял?
- Нет, правда. Если бы я самогону выпил и спать лёг?
- Ничего не забыл?
- Что тогда было бы?
- Проверь ещё раз.
- Да ну тебя.
- Вот и отлично. Пойдём.

В недрах Разбросанных Гор разгоралась заря. Мелвор знал, что над горою зима и холодная беззвёздная ночь, а по всем ощущениям здесь наступало майское утро. НедоРыцарь только рад был. Он недавно проснулся, пусть и проспав почти сутки, умылся и собирался позавтракать. Поэтому забрезживший впереди рассвет его организмом воспринимался исключительно на «ура». В желудке заурчало, однако юноша решил разделить трапезу вместе с владыкой Ринто.

Над подземными садами всходило маленькое солнце – внучатый племянник ушедшего на покой светила. Мелвор шёл, восхищённо оглядывая расцветающие деревья, весело

напевал, нежился под робкими лучами, проводил руками по шершавой коре и немножко хотел есть. Он не заметил, как вышел к светлому деревянному дому, на широкой веранде которого в кресле-качалке сидел сидящий брюнет в камзоле цвета индиго. Владыка приветственно поднял руку и жестом пригласил Мелвора к столу.

В меню завтрака значились несколько видов салата, свежий хлеб, белый сыр, ветчина, творог, сметана и земляничное варенье. НедоРыцарь оставил вещи в прихожей, умылся и сел за стол. Брюнет налил каждому по чашке цветочного чая, снял лицо и положил его на полку. Потом он выбрал одно из нужных настроений и сделал себе бутерброд.

– Приятного аппетита.

– Спасибо.

– Зачем ты пожаловал, Мелвор?

– Рыцаря ищу.

– Зачем?

– Меня шлем попросил.

– А шлему он зачем?

Мелвор не нашёл ответа.

– Напрасно ты сюда пришёл. Нет тут никаких рыцарей.

– А ты? Ведь это тебя показывал в своём закатном представлении Искрарий? Ведь это твои статуи стоят в каждом городе? Ведь это ты тот самый герой, о котором вот уже несколько десятков веков рассказывают легенды и предания? Это ведь ты спасал принцесс, графинь, баронесс и просто прекрасных девушек. Это ведь ты разил своим мечом разных чудовищ. Это ведь ты ушёл в неведомые дали и даже не обещал вернуться.

– Да, я. Но я не тот Рыцарь, что тебе нужен. А что касается всех вышеупомянутых геройств, то мне было просто скучно.

Мелвор погрузнел.

– Юноша, я устал от навешанных на меня ярлыков. К примеру, однажды я сделал маску в виде собственного лица и провёл забавный эксперимент. На собственное лицо надел сначала одну маску, потом маску в виде лица и вышел в люди. Побродил так пару дней и словно невзначай снял лицо-маску. И что ты думаешь? Они до сих пор верят, что моё настоящее лицо – только маска. Что-то я расфилософствовался, а чай стынет.

После завтрака юноша отнёс посуду к мойке. Ринто, поддерживая хрупкое волшебное равновесие подземных садов, делал всё сам по хозяйству. Даже посуду мыл.

– Мелвор, начинай смотреть шире. История о шлеме началась задолго до появления Почти Бесконечного Моста. В один ненастный вечер Лиса решила найти своего Рыцаря. Она попросила помощи у старого шлема из далёкой гробницы. Тот, как существо благородное, согласился. Он решил, что нужный Рыцарь – это я. И шлем ошибся. Посеребрённый зануда из слухов, легенд, обрывков разговоров, баллад и собственной логики собрал примерную карту поисков ушедшего рыцаря, то есть меня. Спустя пару сотен лет он понял, где меня искать, а ещё столько же времени он безуспешно пытался сюда добраться. Когда ты его нашёл, шлем был разочарован, но ты произвёл впечатление на Меоя, на Искрария и на Постоялый Дом. Поэтому он пустил события в вольное русло. А ты взял и дошёл. А нужного Рыцаря здесь никогда не было, – Ринто улыбнулся.

– Хорошо. Но ты что тут делаешь столько времени?

– Я жду, пока зацветёт младший сын зимней луны.

– Кто?

– Не «кто», а «что». Это очень редкий чайный куст. В одном из странствий я увидел картину с изображением цветущего младшего сына зимней луны. Тогда я и решил уйти на покой и увидеть это чудо собственными глазами.

– И когда он зацветёт?

– Ещё через полторы тысячи лет. Я буду ночами смотреть, как он цветёт, и пить чай из его лепестков.

– Ненормальный.

– Да. И я могу себе такое позволить. Кстати, – Ринто сделал паузу, – я не дорассказал тебе всю историю. Шлем видел только меня в качестве Рыцаря и направил свои способности на мои поиски. Честь ему и хвала, меня он нашёл. Однако нужный Рыцарь в своё время тоже решил найти свою Прекрасную Даму. По моим расчётам, он сейчас находится либо в окрестностях, либо под стенами особняка Лисы.

– А я? Для чего я прошёл весь этот путь?

– Как понял, ты кроме Рыцаря хотел обрести себя настоящего. Так?

- Да. И благодаря напитку ящера так и случится.
- Нет. Напиток тебе не поможет.
- Совсем?
- Совсем. Всё ещё проще. Себя не нужно искать, себя не нужно менять, собой надо быть.
- Как мне это поможет найти Рыцаря?
- Если ты – это ты, то окружающий мир становится твоим лучшим другом, а чудеса превращаются в приятную норму жизни.

* * *

- Возле особняка Лисы стоял Рыцарь и настраивал гитару.
- Вот тебе раз. Я, значит, его столько времени ищу, а потом выясняется, что и не его ишу. А когда выясняю, кого нужно искать, он сам приходит. Где справедливость?
- Рыцарь смотрел на пришедших и улыбался:
- Прийти, я пришёл. Только она к себе не пускает. Поэтому стою под окнами и пою серенады.
 - Боится, что ли?
- Рыцарь покачал головой:
- Кто поймёт сердце прекрасной дамы?
 - Ты точно сейчас о Лисе говоришь?
 - Абсолютно.
 - погоди, сейчас я ей всё скажу и всё выскажу. Господа, а вы куда направляетесь?
- Мелвор и Меой переглянулись:
- Сначала попируем в каком-нибудь приличном заведении, а потом досмотрим закатное представление Искрария.

ДИЕТА МАНГАТХАЯ

ОДНОАКТНАЯ ПЬЕСА ПО МОТИВАМ БУРЯТСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Действующие лица:

- **Добрый дух**
- **Шолмос** – злой дух, аналог чёрта
- **Мангатхай** – многоголовое и многорукое чудовище-людоед, воплощение агрессивного зла
- **Замай** – жирный хитрец
- **Тулоной** – боевой старик с ножом
- **Халюнай** – трусливый книжник с брусом
- **Колоной** – маразматик с быком

АКТ ЕДИНСТВЕННЫЙ

Появляются персонажи и начинают готовиться к представлению: выносят декорации, устанавливают юрту и всё такое прочее. Только Шолмос сидит в сторонке и со смаком курит трубку.

Добрый дух. Эй, Шолмос, а ты почему без дела сидишь?

Шолмос. А тебе-то что?

Добрый дух. Помоги нам к сказке подготовиться.

Шолмос (*фыркает*). Нашли дурака. Я же Шолмос. Где вы видели, чтобы Шолмосы кому-то помогали?

Добрый дух. А ты помоги.

Шолмос. Вот зануда надоедливый. Да я лучше вам мешать стану. И мне приятней, и звание Шолмоса лишний раз подтвердится.

Шолмос начинает чинить всяческие пакости. То унесёт что-нибудь за кулисы, то спрячет инструменты, то шапку с головы стащит и всё такое прочее.

Добрый дух. Ах, так? Властью волшебного пендаля изгоняем тебя из нашей сказки.

Все персонажи пинками прогоняют Шолмоса со сцены. Возвращаются и заканчивают приготовления.

Добрый дух. Зло изгнано. Добро восторжествовало. Пойдёмте чай пить.

Остальные персонажи. Это верно. Пойдём-пойдём. Уходят.

Появляется побитый Шолмос и грозит кулаком.

Шолмос (обиженно). Вот, значит, как. Изгнать вздумали. Ай, как всё болит. Ух, я вам сейчас устрою. Ух, вы у меня пожалеете. Горько пожалеете. Да я вас всех! (Замечает в углу сцены Мангатхая и довольно потирает руки.) Да удача сама мне в руки идёт. Только подобрать осталось. (Подходит к Мангатхаю.) Почтеннейший.

Мангатхай (агрессивно). Чё надо?

Шолмос *(вкрадчиво)*. Не хотите отведать отборного человеческого мяса?

Мангатхай *(заинтересованно)*. Это где?

Шолмос *(вкрадчиво и торжествующе)*. Да тут неподалёку.

Мангатхай *(хватает Шолмоса за грудки)*. Где?!

Шолмос *(с трудом высвобождаясь, отскакивает в сторону и довольно улыбается)*. Вон там, почтеннейший. *(Показывает рукой.)*. Вон там живёт жирный Замай. В нём столько мяса и жира, что можно неделю целую роту солдат кормить.

Мангатхай *(причмокнув)*. Хорошо. Много еды – это всегда хорошо.

Шолмос. Кроме того, этот жирный Замай отлично подходит для «диеты Мангатхая».

Мангатхай *(непонимающе и насупившись)*. Чё?

Шолмос *(успокаивающе и убеждающее)*. Если будете правильно кушать, то станете самым сильным, самым могучим, самым-самым.

Мангатхай *(довольно улыбаясь)*. Самым сильным хорошо. Всех съесть смогу.

Уходят.

Замай и Добрый дух пьют чай в юрте. Появляются Шолмос и Мангатхай.

Шолмос. Здесь, почтеннейший, и живёт этот жирный Замай.

Мангатхай. Агрррх! *(Вламывается в юрту.)* Еда!

Замай и Добрый дух продолжают спокойно пить чай.

Замай *(вежливо и с улыбкой)*. Чаю изволите, почтеннейший Мангатхай?

Мангатхай *(опешив)*. Наливай. Вот сейчас попою и чаю и съем тебя.

Замай *(вежливо и с улыбкой)*. Конечно-конечно.

Мангатхай поперхнулся от удивления.

Замай *(вежливо и с улыбкой)*. Если хотите меня съесть – ешьте. Да только как вы меня есть будете? Ведь ножа-то у меня нет.

Мангатхай *(обыскивает себя в поисках ножа и удручённо добавляет)*. И у меня нет.

Замай *(вежливо и с улыбкой)*. Ай-йя-йя. Придётся вам, почтеннейший Мангатхай, к Тулоною идти за его большим ножом.

Мангатхай. Это куда?

Замай *(показывает рукой)*. Туда, вот так и вон туда. А я с вами не пойду. Видите, какой я жирный. Я лучше тут вас подожду. Чайку попью. Песни попою.

Мангатхай *(торжествующе)*. Приду с ножом, разделаю и на позы пущу.

Замай *(философски пожимает плечами)*. Ваше дело, почтеннейший Мангатхай.

Мангатхай и Шолмос уходят.

Добрый дух. Побегу-ка я Тулоною. Предупрежу его, чтобы спрятался.

Замай *(спокойно)*. В этом нет нужды.

Добрый дух. Но я всё равно сбегаяю.

Замай. Ну, как знаешь.

Добрый дух убегает.

Замай. Пойду и я променад совершу.

Уходит.

Юрта Тулоноя. Бравый старик сидит и поёт боевую песню. Появляется Добрый дух и стучится. Тулоной подкрадывается к пологу, втаскивает Доброго духа внутрь и приставляет к его горлу большой нож.

Тулоной *(командным голосом)*. Кто такой? Чего надо?

Добрый дух. Я Добрый дух. Я...

Тулоной *(перебивая)*. Дух, говоришь?

Добрый дух кивает.

Тулоной *(довольно)*. Дух, значит. Это мне нравится. У меня тут столько портянок нестираных. А ну марш за стирку.

Добрый дух. Но, почтеннейший Тулоной...

Тулоной. Бегом! Я сказал.

Добрый дух начинает стирать в тазике портянки. Тулоной снова сидит и поёт боевую песню. Появляются Шолмос и Мангатхай.

Шолмос. А вот здесь, почтеннейший, находится юрта Тулоноя.

Мангатхай. Есть хочу. Нож, еда, хочу.

Шолмос. Всё верно. Попросите нож, возьмите и сразу же к Замаю, чтобы стать самым сильным.

Мангатхай подходит к юрте, чтобы вломиться. Его тут же хватает подкравшийся Тулоной и приставляет ему нож к горлу.

Тулоной (*командным голосом*). Кто такой? Чего надо?

Мангатхай. Я Мангатхай. Нож хочу.

Тулоной (*помахивает ножом перед горлом и глазами Мангатхая*). Этот нож? (*Мангатхай осторожно кивает.*) Зачем тебе мой нож?

Мангатхай. Съесть жирного Замая.

Тулоной (*задумчиво*). Замая, говоришь? (**Мангатхай кивает.**) Одобряю. Этот скользкий тип мне никогда не нравился.

Мангатхай (*заискивающе*). Уважаемый Тулоной, дайте нож, пожалуйста.

Тулоной. Погоди. Он у меня немного затупился.

Мангатхай (*огорчённо*). Не дадите, да?

Тулоной. Чего? Конечно, дам. Принеси брусок, наточим нож, и пойдёшь есть этого пройдоху Замая.

Мангатхай (*с надеждой*). А у вас бруска нет?

Тулоной (*раздражённо*). Если бы у меня был брусок, то стал бы я тебя с ним ждать? А?

Мангатхай (*быстро*). Нет, что вы. Это я попутал.

Тулоной (*командным голосом*). Слушай сюда. Пойдёшь к Халюнаю, возьмёшь у него брусок, придёшь с ним ко мне, мы наточим нож, и ты съёшь этого хомяка Замая. Ясно тебе?

Мангатхай (*вытянувшись во фрунт*). Так точно!

Тулоной (*командным голосом*). Тогда бегом! Марш!

Мангатхай и Шолмос убегают на поиски Халюная. Добрый дух с выстиранными портянками выходит на улицу.

Тулоной. Куда?

Добрый дух. Портянки развесить.

Тулоной. Добро.

Добрый дух развешивает портянки.

Добрый дух. Надо бы Халюная предупредить.

Убегает.

Тулоной. Эй, дух. Дух! *(Нет ответа.)* Куда он делся? Мне же ещё ордена начистить надо и китель выгладить. Ну, дух, погоди. Найду и ремня всыплю.

Уходит.

Халюнай сидит в своей юрте и читает книгу. Услышав приближающийся топот, он прячется в сундук. Появляется Добрый дух и входит в юрту.

Добрый дух. Почтеннейший Халюнай, это я, Добрый дух.

Халюнай *(вылезает из сундука).* А, это ты. Что стряслось?

Добрый дух. К вам идёт Мангатхай.

Халюнай *(прячется обратно в сундук).* Час от часу не легче. Это что же такое в мире делается? Книгу спокойно почитать не дадут.

Добрый дух. Дайте мне ваш халат. Я что-нибудь придумаю.

Халюнай даёт халат Доброму духу. Тот переодевается и садится на его место. Появляются Шолмос и Мангатхай.

Шолмос. А здесь, почтеннейший, живёт книжник Халюнай.

Мангатхай. Жрать хочу.

Шолмос. Халюная есть нельзя.

Мангатхай (*раздражённо*). С чего это вдруг?

Шолмос (*успокаивающе и поучающе*). Он же книжник. Вы что изводите себя вопросами «Есть или не есть? Вот в чём вопрос», или «Мангатхай, я дрожащий или право имею?», или «Отчего мангатхаи не летают?»? Оно вам надо? (*Мангатхай отрицательно мотает головой.*) Кроме того, может дойти до того, что вы станете вегетарианцем.

Мангатхай (*досадливо и непонимающе*). Чё?

Шолмос. Траву есть будете.

Мангатхай. Тьфу, что за гадость.

Шолмос. Вот поэтому книжников есть и не стоит. Зато вы можете напугать Халюная до полусмерти.

Мангатхай хищно улыбается и кивает.

Мангатхай. Агрррх! (*Вламывается в юрту.*)

Добрый дух. Изложите цель вашего визита.

Мангатхай (*озадаченно*). Чего?

В юрту аккуратно входит Шолмос, становится рядом и начинает переводить Мангатхаю с канцелярского на человеческий.

Шолмос. Спрашивает, зачем пришли.

Мангатхай. Брусок хочу.

Добрый дух. Назовите причину, по которой я должен буду выдать вам данный брусок.

Шолмос. Спрашивает, зачем брусок нужен.

Мангатхай. Наточить тулоноев нож хочу.

Добрый дух. Мотивируйте только что упомянутые действия с холодным оружием господина Тулоная.

Шолмос. Спрашивает, зачем нож нужен.

Мангатхай. Съесть жирного Замаю хочу.

Добрый дух. Что ж. Ваша цепочка обоснований выглядит вполне логично. Думается, мы изыщем возможность предоставить вам данный брусок во временное пользование.

Шолмос. Говорит, что даст брусок.

Мангатхай (*довольно*). Брусок – хорошо. Есть скоро буду.

Добрый дух. Однако транспортировка данного бруска собственными силами не представляется осуществимой.

Шолмос. Говорит, что нам самим его не унести.

Мангатхай (*огорчённо*). Что же делать?

Добрый дух. Рекомендуем вам обратиться к старику Колоною за его транспортно-тягловой единицей, именуемой бык.

Шолмос. Говорит, что нужен колоноев бык.

Мангатхай и Шолмос уходят. Халюнай вылезает из сундука.

Халюнай. Спасибо тебе, Добрый дух.

Добрый дух. Ну что ты. Теперь нужно на помощь к Колоною спешить.

Убегает.

Халюнай. И я пойду. Тут новые книги привезли. Надо бы посмотреть.

Уходит.

Колоной сидит, крутит волчок и хлопает в ладоши. Появляется Добрый дух.

Добрый дух. Почтеннейший Колоной, к вам идёт Мангатхай.

Колоной. Ась? Какой мордыхай?

Добрый дух. Да не мордыхай, а Мангатхай.

Колоной. Ась? Мастер Хай? Давно его не видал. Хороший мастер. Отличный, помню, мне халат сшил. До сих пор ношу. Смотри, какая ткань и какая работа.

Добрый дух. Да не мастер Хай, а Мангатхай.

Колоной. Ась? Тяни-толкай? Так совсем из другой сказки. Приключения Айболита, кажется.

Добрый дух. Всё с вами ясно.

Машет рукой и уходит. Появляются Шолмос и Мангатхай.

Шолмос. Вот мы и пришли к жилищу старика Колоноя.

Мангатхай. Жрать хочу. Спать хочу. Всё хочу.

Шолмос. Нельзя его есть.

Мангатхай (*зло*). Жрать хочу!

Шолмос (*спокойно*). Он же совсем немощный старик. Вы что? Хотите всех своих сил лишиться? (*Мангатхай отрицательно мотает головой.*) Да и на вкус старики хуже, чем прошлогодняя трава.

Мангатхай *(разочарованно)*. Тьфу.

Шолмос. Осталось совсем чуть-чуть. Берите тут быка, потом берите там брусок, затем берите у Тулоноя нож – и вволю наедитесь позами из Замая.

Мангатхай. Агррх! *(Вламывается в юрту)*. Быка давай!

Колоной. Ась? В Баку давай? Вы меня на юга приглашаете?

Мангатхай. Быка давай!

Колоной. Ась? Пока давай? Так вы прощаетесь? Ну что поделать? До свидания.

Мангатхай *(хватает Колоноя за грудки)*. Быка давай!

Колоной *(испуганно)*. Ах, быка. А зачем вам мой бык?

Мангатхай. Тяжёлый брусок Халюная на нём повезу.

Колоной. А брусок зачем?

Мангатхай. Большой нож Тулоноя наточу.

Колоной. А нож зачем?

Мангатхай. Жирного Замая съесть хочу.

Колоной. Это хорошо. Только вот мой бык на том берегу Байкала пасётся. Сплавайте за ним и делайте, что хотите.

Мангатхай и Шолмос уходят.

Колоной *(хитро улыбаясь)*. Быка ему захотелось. Фигушки. Пойду за ним на соседнее стойбище. А этот увалень пусть поплавает.

Уходит.

Появляется злой и мокрый Мангатхай.

Мангатхай. Все меня обманули. Есть хочу. Обманщики. *(Замечает Шолмоса.)* А ну поди сюда. *(Шолмос убегает.)* Стой, кому говорю.

Бежит следом за Шолмосом.

Или можно так.

Мангатхай. Все меня обманули. Есть хочу. Обманщики. *(Замечает Шолмоса.)* А ну поди сюда.

Шолмос *(раздосадованно)*. Ах ты, тварь бесполезная.

Шолмос устраивает Мангатхаю взбучку. Мангатхай убегает, Шолмос гонится следом.

Далее, по желанию режиссёра, может появиться Добрый дух с высокоморальной речью.

ДЕТСТВО БУДАМШУ

ОДНОАКТНЫЙ ДЕТСКИЙ БАЛЕТ

Действующие лица:

- Будамшу – юный проказник
- Туяна – маленькая девочка
- **Һорни** – злой богач
- Билду – прихлебатель Һорни
- Гаруда – гигантская птица
- Шолмос – злой дух
- Охранники Һорни
- Жители деревни
- Птенцы Гаруды
- Прислужники Шолмоса
- Звери и птицы

СЮЖЕТ

По летней степи бежит юный проказник Будамшу. Он радуется погожему летнему дню и очередной своей шалости. Услышав бряцанье лат и оружия и гневные крики охранников, Будамшу пулей мчится в родную деревню. За ним бегут раскрашенные углем и обсыпанные мукой молодчики богатея Һорни. Будамшу прячется среди местных жителей, то чужую шапку наденет, то за юртой спрячется, то в дэгэл другой переоденется. Маленькая девочка Туяна прячет шалопая у себя в жилище, а охранникам показывает в другую сторону. Приспешники убегают.

Простой люд деревни готовится к празднику, но не тут-то было. Со своей свитой приезжает злой богач Һорни. Подстрекает его прихлебатель Билду. Требует Һорни от жителей уплатить новые налоги, а иначе через неделю его молодчики отберут весь скот и угонят детей в рабство. Уехал богач. Пригорюнились люди.

Юный Будамшу предлагает сходить к грозной птице Гаруде и попросить у нее немного сокровищ, но не верят ему взрослые. Слишком маленьким его считают. Вскипел Будамшу и под покровом ночи убежал в сторону самых высоких гор.

Мчится он за кладом грозной птицы и слышит, что догоняет его кто-то. Упрямая Туяна увязалась вслед за ним. Мальчик прогоняет настырную девчонку, еще раз прогоняет и еще. Бесполезно. Пришлось взять Туяну с собой.

Снежные шапки гор упираются в небеса. На одной из вершин свила себе гнездо огромная птица Гаруда. Любящая мать нежит своих деток, окутывает их своей заботой и воркует над ними. Проголодались птенцы, и полетела Гаруда за едой.

Пока детки ждали мать, появились у гнезда Шолмос и его прислужники. Связали они птенцов и съесть их собираются. Но добрались до гор хитрый Будамшу и Туяна. Говорит юный проказник злым духам, что съесть птенцов они всегда успеют, а вот его новый танец неизвестно когда увидят. Согласились Шолмос и его прислужники, сели танец смотреть, а Туяна в это время тихонько сзади прошмыгнула и птенцов освободила. Убежали пленники. Тем временем довольные злые духи смотрели на танец юного Будамшу, да только прилетела обратно мать Гаруда и разгневалась. Вихрем налетела она на Шолмоса и прочих темных, кого не съела, тех прогнала. Уж не миновать печальной участи и Будамшу, однако успели остановить разъяренную мать спасенные детки. Обрадовалась Гаруда. Любую награду посулила. Попросили Будамшу и Туяна у неё немного сокровищ, чтобы деревню от разорения спасти. С радостью отдала птица просимое и еще подарков от себя добавила.

Вернулись Будамшу и Туяна в родную деревню. А жители готовятся переезжать в другую долину от злого богача. Показали дети добытые сокровища. Успокоились все. Обрадовались. Ждут себе спокойно.

Вновь приехал напыщенный хорни со своей свитой. Налог требовать стал. Заплатили жители ему и прощаться начали. Стал нашептывать ему подхалим Билду. Обуяла хорни

алчность. Мало ему уплаченных налогов. Стали молодчики богача отбирать у народа скот. Оцепенели жители, ничего сделать не могут.

Прогремел гром, спустилась с небес грозная птица Гаруда и съела злобного хорни и его прихлебателя Билду. В страхе удрали охранники.

Радость в деревне. Гостит у них Гаруда с детьми, а в честь спасителей устроили пир горой и танцы.

ВОЛШЕБНОЕ ЗЕЛЬЕ

СКАЗКА

Действующие лица:

- **Чингис** – старший брат
- **Алиса** – младшая сестра
- **Мама Чингиса и Алисы**
- **Батор Робертович** – пенсионер
- **Амгалан** – тарбаган в расцвете лет
- **Гомбоич** – старый медведь
- **Васо** – горный орел
- **Ушкандэр** – унылый заяц
- **Нерпы**

ПРОЛОГ

Лето. Берег полуострова Святой Нос.

Появляется тарбаган Амгалан в наряде отдыхающего.

Амгалан (*раскладывается*). Отпуск! Да здравствует отпуск! Да здравствует отпуск на Байкале! Да здравствует отпуск на Байкале для честного тарбагана! (*Пауза. Потягивается.*) Пойти окунуться, что ли? (*Подходит к Байкалу, пробует воду лапой.*) Бррр! Холодная! Как хорошо, что я плавать не умею. А то бы весь замерз. (*Возвращается, устраивается поудобней.*) А это что там на соседнем острове?

На соседнем острове появляются нерпы. Слышны песни, смех и веселье.

Амгалан. Девушки, хотите познакомиться с тарбаганом в самом расцвете лет?

Нерпы (*кокетливо*). А где нам такого взять?

Амгалан. Да вот он я! Тарбаган Амгалан собственной персоной.

Нерпы. А нам отсюда не видно. Плыви сюда!

Амгалан. Сейчас буду! (*Подбегает к воде.*) Холодная!

Нерпы (*со смехом*). Какой суровый мужчинка. Может, чаю хлебнешь «для сугреву».

Амгалан (грустно). Да не поможет. Я же плавать не умею. Нерпы пожимают плечами и продолжают веселиться.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Во дворе стоит скамейка с табличкой «Окрашено». Прибегают Чингис и Алиса.

Чингис (*срывает табличку*). Алиска, смотри. Это будет твой белый флаг. Ты будешь махать им, когда будешь сдаваться.

Алиса. Чинка, я не буду тебе сдаваться.

Чингис. Будешь-будешь.

Алиса. Не буду. (*Убегает.*)

Чингис (*бросается за сестрой*). Будешь.

В стареньком плаще неспешной походкой к скамейке идет Батор Робертович.

Алиса (*продолжает убежать*). Нашел дурочку.

Чингис (*запыхавшись*). Вредина ты, а не сестра.

Алиса. Сам ты вредина. И вообще, мама говорит, чтобы ты меня защищал как старший брат. А ты меня в свои мальчишечьи игры все время выигрываешь. И это неправильно!

Чингис. Чего? Выигрывать неправильно?

Алиса. Да. У младшей сестры выигрывать неправильно. Ты лучше у других мальчиков выигрывай.

Чингис (*тихо*). У других не получается.

Алиса. А у меня получается?

Чингис (*довольно*). Получается.

Алиса. Ну и дурак.

Чингис молчит. Батор Робертович садится на скамейку.

Алиса. Пойдем домой. Скоро мама придет.

Чингис. Сейчас. Только табличку обратно положу. (*Поворачивается к скамейке.*) Ой.

Алиса (*подходит к брату*). Чинка!

Чингис (*показывает на скамейку и на табличку*). Ой!

Алиса (*читает табличку*). Ой.

Чингис. Пойдем домой.

Алиса. Пойдем.

Батор Робертович встает со скамейки, смотрит на плащ, на притихших детей, вздыхает, качает головой и собирается уходить.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Появляется мама с пакетом продуктов.

Мама (*с притворной строгостью*). Так-так-так. Это кто тут уроки не сделал, а уже на улице играет?

Чингис (*прячет табличку за спину*). Не знаю.

Алиса (*вкрадчиво*). А он ещё меня в мальчишечьи игры играть заставляет.

Чингис. Сестра называется.

Мама (*спокойно*). Чингис, ты же обещал.

Чингис. Обстоятельства оказались сильнее меня.

Мама. Сынок, так нельзя.

Алиса. Ишь чего придумал.

Мимо проходит Батор Робертович.

Мама. Здравствуйте, Батор Робертович.

Чингис. Ой.

Алиса. Здравствуйте.

Мама. Батор Робертович, что это с вами?

Батор Робертович. Где?

Мама. Да везде. Вот посмотрите.

Батор Робертович осматривает плащ.

Чингис. Мама, давай продукты поддержи.

Мама (*отдает продукты*). Спасибо, сынок.

Чингис. Ага. (*Прячет табличку в пакет.*)

Мама. Ужас какой. Не отстирается ведь.

Батор Робертович. Пустяки. (*Смотрит на детей.*)
Переживу.

Мама. Оптимист вы, Батор Робертович.

Батор Робертович. Куда нам без оптимизма-то. Пойду я.
(*Уходит.*)

Мама. До свидания, Батор Робертович.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Чингис. Пойдем домой.

Алиса. Пойдём, мамочка.

Мама. Конечно, пойдем. Только сначала я вас прямо здесь побалую. Чингис, дай сюда пакет.

Чингис. Ну что ты мама. Мы лучше до дома дотерпим.

Мама. Даже если это ваши любимые конфеты?

Алиса *(пытается схватить пакет из рук брата)*. Можно и не ждать.

Чингис *(показывает на пакет)*. Ты чего?

Мама *(качает головой)*. Нетерпеливая ты моя.

Алиса. А что такого?

Чингис *(быстро рисует прямоугольник в воздухе)*. А вот.

Алиса. Ой.

Мама. Что случилось?

Алиса. Да ничего, мамочка. Чинка прав, надо до дома дотерпеть.

Мама *(подозрительно)*. Чинка прав?

Алиса. Прав.

Мама. Что случилось?

Чингис. Ничего. Пойдем домой.

Мама *(оглядывается)*. Домой, значит.

Алиса. Домой, мамочка.

Мама. Чингис, дай пакет.

Чингис. Да мне не тяжело.

Мама. Чингис.

Алиса. Мамочка.

Мама. Чингис.

Чингис *(протягивает пакет маме)*.

Алиса. Ой-ой-ой.

Мама *(достает табличку)*. И это мои дети. Как вам не стыдно?

Чингис и Алиса молчат.

Мама. Хорошо *(достает из пакета конфеты)*. Сейчас вы пойдете к Батору Робертовичу, попросите у него прощения и отдадите ему эти конфеты.

Алиса. Мамочка, это же наши конфеты.

Мама. Ваши?

Чингис *(со вздохом)*. Уже не наши.

Алиса. Но, мамочка.

Мама. Идите.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Лестничная площадка у двери в квартиру Батора Робертовича.

Алиса. Ну, Чинка. Ну давай откроем.

Чингис. Алиска, нет.

Алиса. Ну, Чинка.

Чингис. Нельзя.

Алиса. Но это же наши конфеты.

Чингис. Ты это маме скажи.

Алиса. Да говорила.

Чингис. Я слышал. А толку?

Алиса. Это все ты виноват.

Чингис. Я? Неправда! Не надо было от меня убегать!

Алиса. Не надо было эту дурацкую игру придумывать!

Чингис. Да не придумывал я ничего!

Алиса. А во что мы играть должны были?

Чингис. Не знаю.

Алиса. Чинка, я с тебя поражаюсь.

Чингис. Я тебе поражаюсь.

Алиса. Зануда. Отдай конфеты.

Чингис. Нельзя. Это для Батора Робертовича.

Алиса. Давай без упаковки отдадим и извинимся. Он же их считать не будет.

Чингис. Говорят же, нельзя.

Алиса. Можно!

Алиса дергает за упаковку. Конфеты падают на пол.

Открывается дверь. Появляется Батор Робертович.

Батор Робертович. Что за шум?

Батор Робертович наступает на конфеты и нелепо падает.

Дети смеются.

Батор Робертович *(сидя)*. Как вам не стыдно!

Дети *(сквозь смех)*. Простите, Батор Робертович.
(Продолжают смеяться.)

Батор Робертович *(поднимается)*. Вам говорили, что злить волшебников это плохо?

Алиса. А вы волшебник?

Чингис. Волшебников не бывает.

Алиса. Чинка, ты прав. *(Со смехом.)* Ну какой из вас волшебник, Батор Робертович?

Батор Робертович. Ну, знаете. Это последняя капля!
*Батор Робертович становится больше и внушительней.
Вместо интеллигентного пенсионера перед детьми встает
могущественный маг.*

Чингис. Батор Робертович?

Алиса. Ой.

Батор Робертович. Сейчас я вас проучу, несносные
ребятишки!

Алиса. Вы превратите нас в лягушек?

Батор Робертович. Нет.

Чингис. А что тогда?

Батор Робертович. Сейчас сами все узнаете.

Алиса. А можно конфетки взять?

Батор Робертович. Чего?

Алиса (*показывает*). Ну вот. Конфетки.

Батор Робертович. Берите.

Дети начинают собирать конфеты.

Чингис. А может, тогда и проучивать нас не надо?

Батор Робертович. Надо!

Алиса. Дурак ты, Чинка.

Чингис. Тогда проучите кого-нибудь одну.

Алиса. Что?

Батор Робертович хлопает в ладоши.

*Детей подхватывает волшебный вихрь и несет их на берег
Байкала.*

ПЯТАЯ КАРТИНА

Байкальский берег. Волшебный вихрь роняет детей на
землю.

Алиса. Ай.

Чингис. Мне тоже больно.

Алиса. Нет бы сестренку пожалеть.

Чингис. Обойдешься.

Алиса. Сейчас приду и маме всё расскажу.

Чингис (*оглядывается*). Маме? Ну, давай. Иди, рассказывай.

Алиса. Ой. А где мы?

Чингис. На берегу.

Алиса. А где лестничная площадка? Куда мы попали? Он что? Взаправду волшебник?

Чингис. Получается так.

Пауза.

Алиса. А где мама? Куда он нас отправил? Где мы?

Чингис. На берегу.

Алиса. Ты чего такой спокойный?

Чингис. А что такого? Тихо. Спокойно. Солнце светит. В конце концов, нас же никто есть не собирается.

Алиса. Дурак.

Чингис. Сама дура.

Дети, надувшись, расходятся в разные стороны. Вскоре Алиса подходит к брату.

Алиса. Чинка, хочешь конфету?

Чингис. У меня есть.

Алиса *(показывает)*. А такой нет.

Чингис *(показывает точно такую же)*. Вот.

Алиса. А ты все равно возьми.

Чингис. Алиска, что с тобой?

Алиса. Ничего.

Чингис. Врешь.

Алиса. Не вру.

Чингис. Ты маме с папой скажи. А меня не проведешь.

Алиса *(бросается обнимать брата)*. Чинка, мне страшно.

Чингис. Девчонка.

Алиса. Сестренка.

Чингис. Сестренка.

Алиса. Твоя сестренка.

Чингис. Куда я от тебя денусь?

Алиса. Чинка, пожалуйста, никуда не девайся.

Чингис. Не буду, не буду. *(Оглядывается.)* А всё-таки где мы?

Алиса. Я что-то слышу.

Чингис. А я не слышу.

Алиса. А не надо было столько времени в наушниках ходить.

Чингис. Алиска, не начинай. А то уйду.

Алиса. Не уйдёшь. Ты же старший брат.

Чингис. Вредина.

Алиса. Сам ты вредина. Лучше конфетку дай.

Чингис. Возьми все. *(Отдает конфеты.)*
Алиса. Ага.
Чингис. А «спасибо» сказать?
Алиса. Ага. Пойдём.
Чингис. Куда?
Алиса *(показывает направление).* Туда.
Чингис. А там точно что-то есть?
Алиса. Но я же слышу.
Чингис. Ладно, пойдем. Если что не так, то придем обратно.
Все равно делать нечего.
Алиса. Да пойдем уже. Рассуждалкин нашелся.
Чингис. Идем-идем.
Дети уходят.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Байкальский берег.
Амгалан. Да я крут! Круче всех!
Нерпы. Конечно, круче. Только плавать не умеешь.
Амгалан. Да я вам покажу!
Нерпы *(со смехом).* Покажи-покажи. Приплыви и покажи.
Амгалан. Ай! *(Машет рукой.)*
Грустный Амгалан сидит на берегу, на острове веселятся нерпы.
Появляется Батор Робертович.
Батор Робертович. Амгалан? Здравствуй. Ты чего тут делаешь? В командировке, что ли?
Амгалан. Здравствуйте, Батор Робертович. В отпуске я, будь он не ладен.
Батор Робертович. Что такое?
Амгалан. Да нерпы эти. Все нервы вымотали.
Батор Робертович. Ай-яй-яй.
Амгалан. Батор Робертович, вы же волшебник. Помогите, а.
Батор Робертович. Чего ты хочешь?
Амгалан. Плавать научиться.
Батор Робертович. Ты же тарбаган. Зачем тебе в степи уметь плавать?

Амгалан. Да из-за нерп этих. Сейчас как приплыву, как покажу им всем!

Батор Робертович. Тогда не помогу.

Амгалан. Ну, Батор Робертович, ну вы же добрый.

Батор Робертович. Ремень бы тебе.

Амгалан. Да хоть бы и ремня. Только бы плавать научиться.

Батор Робертович. Нет, Амгалан.

Амгалан. Ну, Батор Робертович, ну почему?

Батор Робертович. Нерп жалко.

Амгалан. Батор Робертович, да что вы? Я же их обаять хочу. А то взрослый тарбаган, а до сих пор не женат. Несolidно ведь.

Батор Робертович. Ах вот оно что. Что ж ты сразу не сказал?

Амгалан. Говорил я.

Батор Робертович. «Как приплыву!», «Как покажу!». И что я должен был думать?

Амгалан. Что приплыву и покажу.

Батор Робертович. Вот так, значит. Хорошо. Я помогу тебе.

Амгалан (*подбегает к воде*). Ура! Я готов!

Батор Робертович. Но не сразу.

Амгалан. Вот облом.

Батор Робертович. Сначала ты присмотришь за двумя детьми.

Амгалан. Человечьими?

Батор Робертович. Да. Хулиганистые и непоседливые.

Амгалан. Не хочу. У меня отпуск.

Батор Робертович. А плавать научиться хочешь?

Амгалан. Конечно, хочу.

Батор Робертович. Тогда присмотри за ними и помоги им сварить волшебное зелье.

Амгалан. А какое из них?

Батор Робертович. Которое их домой вернет.

Амгалан. Не. Не хочу. Я же весь отпуск с ними возиться буду. Оно мне надо?

Батор Робертович. Тебе продлят отпуск. Я договорюсь. Будешь купаться со своими нерпами, сколько захочешь.

Амгалан. Умеете вы уговаривать, Батор Робертович.

Батор Робертович. Поживи с мое. (*Вглядывается в даль.*) Кажется, это они. Амгалан, я на тебя надеюсь. Удачи! (*Исчезает.*)

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Амгалан устраивается поудобней. Появляются дети.

Алиса. Чинка, я устала.

Чингис. Знаю. Я тоже.

Алиса. А пожалуй?

Чингис. Мне жаль.

Алиса. Кого?

Чингис. Себя.

Алиса. А? *(Замечает Амгалана.)* А это кто?

Амгалан. Сайн.

Чингис. Здрасте.

Алиса. Ага.

Амгалан. Вы что тут делаете?

Чингис. Это где «тут»?

Амгалан. А почему на русском?

Алиса. А что такого?

Чингис. Мы же все понимаем.

Амгалан. Вы буряты?

Алиса. Конечно, буряты.

Амгалан. А почему по-бурятски не разговариваете?

Чингис. Неохота.

Амгалан. Пэ-э! Бурят без родного языка как Байкал без воды!

Алиса *(показывает на воду).* Так это Байкал?

Амгалан. Конечно, Байкал.

Чингис. А вы тогда кто?

Амгалан. Амгалан. Тарбаган в самом расцвете лет.

Алиса. А я Алиса, а это Чинка, мой брат.

Чингис. Чингис я. *(Пожимает руку Амгалану.)* А разве на Байкале бывают говорящие тарбаганы?

Амгалан. На волшебном берегу Байкала все бывает.

Алиса. Какой волшебный берег? Какие тарбаганы? Нам домой надо! У меня послезавтра день рождения!

Чингис. Кстати, о дне рождения. Где здесь покушать можно?

Алиса. Чинка, как ты можешь? Нам же домой надо!

Чингис. На голодный желудок?

Амгалан. Йой хада! Как же я не догадался. Пойдемте ко мне в юрту. Чем богат, то и поедим.

Алиса. А чем вы богаты?

Чингис *(укоризненно)*. Алиса.

Амгалан. Все хорошо.

Алиса *(показывает брату язык)*. А я к чаю конфеты несу. А ты?

Чингис. Заразка маленькая.

Амгалан. Поедим и пойдем к Гомбоичу.

Чингис. А это кто?

Амгалан. Сторож на аршане.

Алиса. Зачем на аршан? Нам домой надо.

Чингис. И она называет меня занудой.

Амгалан. Как это «зачем»? Вы домой хотите?

Алиса. Хотим.

Чингис. Не хочу. Мне там уроки делать надо.

Алиса. А мой день рождения?

Чингис. Потом на выходных отметим.

Амгалан. А родители?

Пауза. Алиса начинает утирать слезы.

Чингис. Ты чего?

Алиса *(всхлипывая)*. Да ну его, этот день рождения. Я к маме хочу. К папе хочу.

Чингис *(обнимает сестру)*. Не реви.

Алиса *(всхлипывая)*. Мамочка. Папочка.

Амгалан. Ты... это... не волнуйся так. Сварим волшебное зелье, и домой отправитесь.

Чингис. Какое зелье?

Амгалан. Волшебное. Сначала сходим на аршан к Гомбоичу за водой для зелья, потом к Васо за лепестками и травами и в самом конце побываем у Ушкандэра и возьмем у него немного смеха. Вернемся сюда, сварим волшебное зелье, вы его выпьете и окажетесь дома.

Алиса. Ура! Дома!

Чингис. А это долго?

Амгалан. Что?

Чингис. Ну эти все походы и варка зелья?

Амгалан. За сегодня и завтра управимся.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

На кухне у Батора Робертовича. Хозяин и мама пьют чай.

Мама. Батор Робертович, да вы с ума сошли! Они же еще маленькие!

Батор Робертович (*подливает госте чай*). Дарима, успокойся. Тебе было столько же, когда я отправил тебя на волшебный берег Байкала.

Мама. Быть того не может.

Батор Робертович. Зуб даю.

Мама. Как же они там? Они ведь даже не обедали. Предупредили бы хоть.

Батор Робертович. Не волнуйся, Дарима. За ними Амгалан присмотрит.

Мама. Этот непутевый тарбаганчик?

Батор Робертович. Он уже давно вырос.

Мама. Как он там? Женился?

Батор Робертович. Нет ещё. Но есть у него на примете одна нерпочка.

Мама. Симпатичная? Родова какая? Семья хорошая?

Батор Робертович. Не знаю.

Мама. Ну так давайте посмотрим.

Батор Робертович. погоди. Пусть дети сначала к Гомбоичу сходят.

Мама. Гомбоич? Он до сих пор аршан сторожит?

Батор Робертович. А куда он денется?

Мама. А сторожку-то хоть подновил? Или всё такая же покосившаяся?

Батор Робертович. Говорят, что он прошлым летом возился там с инструментами.

Мама. Да. Было время.

Батор Робертович. И не говори, Дарима. Современные дети верят в компьютерную графику и спецэффекты, они даже на улице почти не играют. Уткнулись в планшеты и ноутбуки – и ничего им не надо. А детство уходит.

Мама. Ну что вы, Батор Робертович. Дети – это всегда дети, и никаким приставкам и планшетами не заменить живого общения. Разве может футбол на компьютере заменить футбол во дворе? (*Вздыхает.*)

Батор Робертович. Что такое?

Мама. Да Чингиску моего другие мальчишки играть не берут. Говорят, что только мешаться будет.

Батор Робертович (*довольно*). Как я вовремя его на волшебный берег отправил.

Мама. Может, я тогда поест им сварю. Амгалану плюшек напеку. А вы их тихонько передадите.

Батор Робертович. Нет.

Мама. Ну хоть посмотрим на них издали. Вмешиваться не будем. Просто посмотрим. А то вдруг чего.

Батор Робертович. Нет.

Мама. Что значит «нет»?

Батор Робертович. Стар я стал, силы уже не те.

Мама. Батор Робертович, но вы же волшебник.

Батор Робертович. Волшебник-то, волшебник. Да только силы волшебные на исходе, а когда восстановятся, я не знаю. Поэтому им придется сварить волшебное зелье, иначе они там надолго застрянут.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Аршан. Сторожка Гомбоича. Под разъяренный рык медведя мимо детей пробегает Амгалан.

Амгалан. Бежим! Гомбоич с ума сошел!

Чингис. Куда бежим?

Алиса. Зачем бежим?

Амгалан. Потому что Гомбоич – это разозленный медведь!
Выбегает медведь.

Гомбоич. Амгалан, я с тебя шкуру спущу!

Амгалан (*детям*). Бежим!

Дети и тарбаган убегают от медведя до тех пор, пока тот не застревает между двумя деревьями.

Алиса. Чинка, мне страшно.

Чингис. Мне тоже.

Алиса. Ты вообще собираешься сестренку жалеть?

Чингис. Какой «жалеть»? Страшно же.

Тарбаган подходит к застрявшему медведю.

Амгалан. Гомбоич, вы чего? Совсем в маразм впали?

Гомбоич. Да я тебя на куски порву!

Чингис. Амгалан, давай его привяжем покрепче, а то страшно очень.

Гомбоич. Амгалан!

Амгалан. Отличная мысль!

Тарбаган забегают в сторожку и возвращается с веревкой.

Амгалан (Чингису). Помоги.

Чингис. Страшно.

Амгалан. Ты же мальчик.

Чингис. Всё равно страшно.

Амгалан. Трус!

Тарбаган привязывает медведя к деревьям.

Гомбоич. Амгалан, я тебя из-под земли достану!

Алиса (протягивает тарбагану платок). Вот, возьмите. Кляп сделаете.

Амгалан (берет платок). Спасибо большое. (Затыкает кляпом пасть медведю.)

Чингис. А я чем помочь могу?

Амгалан. Не мешайся, трус.

Алиса (тарбагану). Зачем вы так с ним?

Амгалан. Не люблю трусов.

Чингис (тихо). Можно подумать – сам никого не боялся.

Амгалан. Что ты сказал?

Чингис. Ничего.

Амгалан. Что? Даже повторить боишься?

Чингис. Не боюсь.

Амгалан. Ну говори.

Пауза.

Амгалан. Говори давай.

Пауза.

Амгалан. Говори, не бойся. Ничего я тебе не сделаю. Можешь на ухо мне сказать.

Чингис (подходит). Можно подумать, вы сами никого не боялись.

Амгалан. Боялся. И сейчас боюсь. Но я же делаю, что нужно делать.

Чингис. Но ведь страшно же.

Амгалан. Зато это помогает стать мужчиной.

Чингис. Не понимаю.

Амгалан. Не надо понимать, надо делать.

Алиса (*показывает на медведя*). Он плачет.

Амгалан. Подожди здесь (*подходит к медведю, снимает кляп*). Да что такое с вами?

Гомбоич. Зубы болят.

Амгалан. Как болят? Вы же на аршане живете. Его вода все недуги излечивает.

Гомбоич. Все, кроме зубов.

Амгалан (*детям*). Я же говорил, что он добрый.

Алиса. Ты кричал, что он с ума сошел.

Амгалан. А когда говорил, то говорил, что добрый.

Чингис. Добрый и безобидный старый медведь. Да где же он старый?

Амгалан. Столетние молодыми не бывают.

Гомбоич. Уй! Как болит!

Алиса. Что болит?

Гомбоич. Зубы! Будь они не ладны.

Алиса. А вы их чистите?

Гомбоич. Конечно, чищу. Только они все равно болят!

Алиса. Давно болят?

Гомбоич. Да неделю уже.

Алиса. А когда они в последний раз болели?

Гомбоич. Неделю назад первый раз заболели.

Чингис. Первый раз за сто лет?

Гомбоич. Да. Уй!

Алиса. Сильно болят?

Гомбоич. Уй!

Алиса. Надо посмотреть.

Чингис. Что посмотреть?

Алиса. Зубы у медведя.

Чингис. Алиска, ты с какого дуба рухнула? Это же медведь!

Алиса. Это больной дедушка, и хочу ему помочь.

Амгалан (*аплодирует*). Обалдеть.

Алиса (*подходит к медведю*). Откройте пасть. (*Внимательно осматривает зубы.*) Все ясно. У вас только один зуб болит.

Гомбоич. Почему один? Мне кажется, вся челюсть ноет.

Алиса. Потому что один взаправду болит, а другие за компанию болят.

Гомбоич. И что с этим делать?

Алиса. Может, вырвать?

Гомбоич. Не надо. Мне страшно.

Чингис. Вам страшно?

Гомбоич. Конечно, страшно. У меня никогда зубы не вырывали.

Чингис. А у меня вырывали. Подошел врач с большими щипцами, говорит: «Открой рот», а потом раз – и готово.

Амгалан. И где мы возьмем врача с большими щипцами?

Гомбоич. Не надо никакого врача и никаких щипцов!

Чингис. Может, возьмем веревку и привяжем один конец к зубу, а другой к стреле и выстрелим из лука?

Гомбоич (*радостно*). Нет у меня в сторожке никакого лука!

Чингис. Можно привязать веревку к камню.

Гомбоич. Не надо!

Алиса. Закройте глаза.

Гомбоич (*закрывает глаза*). Вот так?

Алиса. Да. (*Встает в боевую стойку.*) Только не открывайте.

Гомбоич. Хорошо.

Алиса (*бьет медведя по челюсти ногой с разворота*). Кийя!

Пауза.

Гомбоич. Ура! Не болит! Ура! Амгалан, отвяжи меня! Сейчас плясать буду.

Тарбаган отвязывает медведя. Гомбоич на радостях выдает зажигательный танец.

Гомбоич. Разрешите представиться в спокойной обстановке. Гомбоич, сторож местного аршана.

Алиса. А почему Гомбоич?

Гомбоич. Потому что Михаил Гомбоич.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Кухня в квартире волшебника. Мама привязывает Батора Робертовича к стулу.

Батор Робертович. За что?

Мама (*проверяет узлы на веревке, убеждается, что все хорошо, достает из сумки принесенную снедь и раскладывается*).

Здесь все ваше любимое, Батор Робертович. Позы, свежий черный хлеб, выпечка моя, варенье малиновое и даже торт черемуховый, сгущенкой политый.

Батор Робертович. Зачем так мучать бедного пенсионера?

Мама *(начинает есть позы, со вкусом выпивая из них сок)*. Вкуснота! Никакого кетчупа не надо.

Батор Робертович. Смилуйся!

Мама. А хлеб-то какой ароматный. С хрустящей корочкой.

Батор Робертович. Дарима, не провоцируй волшебника!

Мама *(наливая себе чай)*. Батор Робертович, без своей волшебной силы вы просто пенсионер.

Батор Робертович. Ах ты чертовка! Вот вернутся силы! Вот доберусь до тебя!

Мама *(макает булочки в варенье и с аппетитом кушает)*. Нет, все-таки моя выпечка гораздо вкусней покупных. Кстати, Батор Робертович.

Батор Робертович *(угрюмо)*. Что?

Мама. Каким образом к вам силы вернутся?

Батор Робертович. Похожу пару дней – и вернутся.

Мама. Не надо «пару дней»!

Батор Робертович. Отчего?

Мама. Потому что за пару дней у них там почти неделя пройдет!

Батор Робертович. И что?

Мама. Они же у меня ещё маленькие!

Батор Робертович. Может, развяжешь меня?

Мама *(бросается к волшебнику)*. Конечно-конечно.

Батор Робертович *(садится за стол)*. А ты молодец. Не испугалась гнева волшебника.

Мама. Батор Робертович, вы же добрый волшебник.

Батор Робертович *(со вкусом кушает позы)*. Вкуснота! Никакого кетчупа не надо.

Мама. Неужели ничего нельзя придумать?

Батор Робертович *(кушает булочки с вареньем)*. Можно.

Мама. Не томите!

Батор Робертович. Сейчас-сейчас. Только чай с любимым тортом допью.

Мама. Батор Робертович! Я вас сейчас обратно привяжу!

Батор Робертович. Все-все-все. Успокойся. Есть один способ.

Мама. Что за способ? Надеюсь, ничего кровавого.

Батор Робертович. Окстись! Ничего запретного. Просто ты сама должна стать волшебницей.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Вершина горы. Перед своей саклей сидит горный орел Васо и поет печальную песню.

Васо (*заканчивает песню*). Вай! Грустно как. Что бы такого сделать? Может, жениться? Скучно же.

Появляется тарбаган.

Амгалан. Привет, Василек!

Васо (*достает кинжал*). Э! Ты где Василька видел?! Ты меня оскорбил! Я тебя зарежу!

Амгалан. Василек, ты чего? Своих не узнаешь? Это же я, Амгалан.

Васо (*убирает кинжал, раскрывает объятия*). Амгалан! Брат! Здорово! (*Обнимает тарбагана.*) Но если ещё раз назовёшь Васильком, я тебя зарежу.

Амгалан. И как тебя теперь называть?

Васо (*подбоченившись*). Теперь я – Васо. Теперь я солидный горный орел. Только не женился ещё.

Амгалан. А что так? Вы, горцы, быстро семейными становитесь.

Васо. Первую жену ещё не встретил.

Амгалан. А вторую, значит, встретил?

Васо. И вторую, и пятую, и восьмую. Но мне-то первая нужна. Амгалан, ты пойми, что не будет первой жены – никакого гарема не будет. Вот и хожу весь такой неженатый. Орел! А не женатый. Грустно. Вах! Какой я плохой хозяин! Что я о себе да о себе? Прости, брат! Как дела твои? Как жена твоя?

Амгалан. Да не женился я ещё.

Васо. Вай-вай-вай! Давай вместе погрустим и споем.

Амгалан. Давай в другой раз, а то скоро дети придут.

Васо. Что за дети?

Амгалан. От Батора Робертовича.

Васо. Человечьи, что ли?

Амгалан. Да. Поможешь?

Васо. Обижаешь, брат!

Появляются дети.

Алиса. Чинка, я устала.

Чингис. Я тоже устал.

Алиса. Чинка, ты заколебал! Ты почему о сестренке совсем не думаешь?

Чингис (*замечает орла и тарбагана*). Здравствуйте.

Алиса. Здравсте.

Васо. Приветствую вас, гости дорогие. Пойдемте к столу, угощать вас буду. Проходите, присаживайтесь. (*Останавливает тарбагана.*) Брат, я, кажется, влюбился.

Дети проходят к столу и садятся за него.

Амгалан. С ума сошел? Она же совсем девочка.

Васо. Да ты не волнуйся. Я её похищу, отдам маме, там она подрастет, получит нужное воспитание и станет моей третьей женой.

Амгалан. Васо, не надо. Пойдем лучше к столу.

Васо. Зря ты, брат, в меня не веришь.

Орел и тарбаган подходят к столу.

Васо. Вай! Вы почему не кушаете?

Чингис. Потому что это некультурно.

Васо. А твоя сестра тоже такая культурная?

Алиса. А меня саму спросить нельзя?

Васо. Зачем спрашивать женщину, если рядом мужчина есть?

Чингис (*приосанившись*). Слыхала?

Алиса (*встает из-за стола*). Ну и дурак. Спасибо, все было очень вкусно. (*Уходит.*)

Амгалан. Ты куда? (*Уходит за Алисой.*) Я с тобой.

Васо (*протягивает крыло*). Васо, горный орел.

Чингис (*пожимает крыло*). Чингис, мальчик.

Васо. Да какой мальчик? Да ты же практически мужчина.

Чингис. Спасибо.

Васо. Продай сестру. Я тебе свой лучший кинжал отдам. Ты пойми, кинжал же лучше сестры. Отвлекать тебя не будет, мешаться тебе не будет, дерзить тебе не будет. А? Слушай, я ее своей маме отдам, она ее шелковой сделает.

Чингис. Сестру?

Васо. Конечно. Если еще сестры есть, то приводи, поговорим. Может, братьям пристрою, и ты в обиде не останешься. Вот возьми кинжал. (Отдает мальчику кинжал.) Красивый, да?

Чингис (*восхищенно*). Очень красивый.

Васо. Хочешь? Я же вижу, что хочешь. Бери. Ты мне сестру, я тебе кинжал.

Чингис (*любуется кинжалом*). Вот это да.

Васо. Бери-бери.

Чингис (*возвращает кинжал*). Не могу.

Васо (*убирает кинжал в ножны*). Ты что не мужчина?

Чингис. Я еще мальчик.

Васо. Ты послушай, мальчик, что тебе мужчина скажет. Бери кинжал, отдавай мне сестру. Да?

Чингис. Нет.

Васо. Я тебе все свои кинжалы отдам.

Чингис. Нет.

Васо (*достает кинжал*). Я тебя зарежу!

Чингис. Не надо.

Васо. Или я тебя зарежу, или ты мне сестру отдашь.

Чингис. Не надо меня резать.

Васо. Тогда отдавай сестру.

Чингис. Нет.

Возвращаются тарбаган и Алиса.

Амгалан (*бросается к орлу и отбирает у него кинжал*). Васо, ты совсем с катушек съехал?

Васо. А что сестру свою не продает?

Алиса. Чинка?

Чингис. Я здесь.

Алиса. Ты правда меня не продал?

Чингис. Правда.

Алиса (*обнимает брата*). Спасибо, Чинка.

Амгалан. Васо, а если про это Батор Робертович узнает? Ты знаешь, что с тобой будет?

Васо (*испуганно*). Батору Робертовичу вообще ничего рассказывать не надо. Правда, да?

Чингис. Да.

Алиса. Но почему?

Чингис. Потому что это наше с ним дело.

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

На байкальский берег выходят тарбаган и орел. На острове плещутся нерпы.

Амгалан. Васо, смотри, какая прелесть.

Васо. Вах! Жемчужины! Услада очей моих!

Амгалан (*кричит*). Привет, красавицы!

Нерпы. Привет-привет. А это кто рядом с тобой?

Амгалан (*орлу*). Представься.

Васо (*нерпам*). Я горный орел Васо.

Нерпы. А ты красавчик.

Васо. Разумеется, красавчик.

Нерпы. Мужчины, давайте к нам.

Амгалан. Как? Я же ещё плавать не умею.

Нерпы. Ай-яй-яй. Но мы вас ждем!

Амгалан. Но как?

Нерпы. Вы мужчины, вы и придумывайте.

Амгалан и Васо задумываются.

Амгалан (*орлу*). А давай ты вместе со мной к ним перелетишь?

Васо. Брат, ты гений! Конечно, давай! (*Берет тарбагана и пробует взлететь.*) Брат! Ты, конечно, гений, но кушай в меру – да?

Амгалан (*грустно вздыхает*). Придется ждать, пока дети от Ушкандэра со смехом в мешочке придут.

Васо. Вай! Грустно-то как. Вай! Давай споем.

Амгалан. Не хочется.

Васо. Тогда давай станцуем.

Амгалан. Не хочется.

Васо. Вай! Ты что? Совсем грустный, да?

Амгалан. Совсем. Видишь вон ту красавицу?

Васо. Вон ту?

Амгалан. Да нет, вон ту.

Васо. Персик!

Амгалан. Влюбился я, Васо. Страдаю.

Васо. Амгалан, брат! Я ее для тебя похищу!

Амгалан. Не надо. Я сам к ней хочу. (*Вздыхает.*) Или пусть она сама придет.

Васо. Э! Что ты сразу-то не сказал!

Амгалан. Чего не сказал?

Васо. Погоди, брат! *(Кричит.)* О, бриллианты утренней зари! О, нежность самых прекрасных цветов!

Нерпы. Да! Это мы!

Амгалан. Васо, да ты поэт.

Васо. Для друзей я все могу! *(Кричит.)* Плывите сюда! Не дайте сердцу моего друга и брата не подарить вам всю свою любовь!

Нерпы. Нет!

Васо. Вай! Почему нет? Мы вас не обидим! Мы вас на руках носить будем!

Нерпы. На вашем берегу волк!

Амгалан. Нет тут никакого волка!

Нерпы. А кто в прошлом месяце Ушкандэра сожрал и нами закусить хотел?

Амгалан. Караул! Мы же детей одних к Ушкандэру отправили!

Васо. Вай! Мы же не знали, что там волк! Мы же думали, что там просто грустный заяц, которого развеселить надо!

Амгалан. Бежим!

Тарбаган и орел убегают на помощь детям.

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Дети подходят к домику зайца Ушкандэра.

Алиса *(щипает брата)*. Чинка.

Чингис. Ой. Ты чего?

Алиса. А это точно ты? Смелый такой. Иногда прямо вылитый взрослый.

Чингис. Да я это, я. Хватит меня щипать. Тем более мы уже пришли.

Алиса *(кричит)*. Здравствуйте.

Скрипит дверь, выходит волк, переодетый в зайца.

Волк. Кто это?

Алиса. Я – Алиса, а это мой брат Чинка.

Волк. Хорошо. Как раз к супу успели.

Алиса. А когда вы смеяться будете?

Волк. Вот нормально поем и вдоволь насмеюсь.

Чингис *(тихонько сестре)*. Какой у него грубый голос.

Алиса (*тихонько брату*). Будто ты знаешь, какой голос у говорящих зайцев бывает.

Волк. Заходите. Вон там суп варится.

Алиса (*подбегает к котлу с супом*). А что он такой нежирный?

Чингис. Он же заяц. А все зайцы вегетарианцы.

Алиса. И что?

Чингис. Как что? Вегетарианец, значит, мяса не ест. А суп без мяса жирным не бывает.

Алиса (*поворачивается к волку*). Правда, не едите?

Волк (*трагически*). Правда, не ем. Давно не ем.

Чингис (*подозрительно*). Как это «давно не ем»?

Алиса. Бедненький зайчик.

Волк (*с пафосом*). Да! Заяц-страдалец! (*Алисе*.) Ты хочешь помочь тоскующей душе?

Алиса. Конечно.

Волк. Постой у котла с супом.

Чингис (*подозрительно*). А зачем?

Волк (*подходит к котлу*). Чтобы съесть её! (*Пытается схватить Алису.*)

Алиса (*уворачивается и убегает*). А зайцы девочек не едят!

Волк (*сбрасывает заячий наряд*). А волки всех едят! (*Загораживает выход из дома.*) Идите сюда, и я вас сильно мучать не буду – сразу загрызу.

Чингис. А вот фигушки тебе!

Алиса. Бе-бе-бе.

Чингис. Лезем через окно! Быстро!

Чингис помогает сестре вылезти через окно, но его самого хватает волк.

Алиса. Чинка!

Волк (*держит мальчика*). Попался! Теперь будет у меня суп с мясом.

Чингис (*вырываясь*). Не дожدهшься.

Волк. Что ты мне сделаешь?

В дом забегают Алиса.

Алиса (*встает в боевую стойку*). Немедленно отпусти его!

Волк. А то что?

Чингис. Беги отсюда!

Алиса. А то будет очень больно (*нападает на волка*).

Волк (*отмахивается от девочки*). Ой, боюсь-боюсь.

Девочка отлетает к стене и теряет сознание.

Чингис. Алиска!

Волк. Двойная порция мяса.

В дом забегают орел и тарбаган.

Амгалан. Отпусти его!

Васо. А то мы тебя зарежем!

Волк (*отбрасывает мальчика*). Ха!

Чингис (*бросается к сестре*). Алиска!

После непродолжительного боя тарбаган и орел одолевают волка, который падает без сознания.

Амгалан (*орлу*). Красавец!

Васо. Ты тоже, брат!

Орел и тарбаган бросаются к девочке.

Амгалан. Что с ней?

Васо. Вай! Не знаю!

Чингис. Надо что-то делать!

Амгалан. А что делать?

Васо. На воздух ее надо!

Алиса (*приходит в себя*). Ой!

Чингис. Алиска!

Алиса. А где волк!

Васо. Вах! Мы его победили!

Амгалан. Да, брат. Победили.

Алиса (*обнимает брата, орла и тарбагана*). Ура!

К ним подкрадывается волк с дубинкой.

Волк (*бьет по головам тарбагана и орла*). Доброй ночи!

Тарбаган и орел падают без сознания.

Чингис (*встает перед сестрой*). Не тронь мою сестру!

Волк (*издевательски*). Да что ты можешь, пацан?

Чингис. Пошел прочь!

Волк (*довольно*). Теперь мяса на месяц хватит.

Чингис. Я буду драться!

Волк (*хохочет*). Ой как страшно. (*Подходит ближе.*) Я буду медленно-медленно грызть твою глотку и запивать твоей кровью.

В дом вбегает мама и хватает сковородку.

Мама (*бьет волка сковородкой*). Лапы прочь от моих детей!

Волк. Больно! *(Скалится.)* Загрызу!

Мама. Не на ту напал!

Волк нападает на маму. Они фехтуют дубинкой и сковородкой. В бою побеждает мама.

Мама *(отбрасывает сковородку и бросается к детям).* Маленькие мои!

Дети *(хором).* Мамочка!

Мама *(обнимает детей).* Я здесь, мои золотые.

Амгалан *(приходит в себя).* Ой! *(Оглядывается.)* Даримка?

Мама. Привет, Амгаланчик.

Васо *(приходит в себя, вскакивает).* Вах! Где этот подлец! Я его зарежу!

Мама *(показывает).* Вон там лежит.

Васо *(протирает глаза).* Вах! *(Еще раз протирает глаза.)* Даримка?

Мама. Привет, Василек.

Дети *(хором).* Мама?

Мама *(обнимает детей).* Сейчас окажемся дома, и я все расскажу.

Дети и мама исчезают в волшебном вихре.

ЭПИЛОГ

На берегу Байкала сидят орел и тарбаган.

Васо *(восторженно).* Ты видел! Как наша Даримка подросла!

Амгалан. Видел.

Васо. Получается, что она тоже волшебница!

Амгалан. Получается.

Васо. А знаешь почему?

Амгалан. Почему?

Васо. Потому что каждая мама – это волшебница!

Амгалан. Ага.

Васо *(вертит в руках волчью шапку).* Вах! Какая красивая шапка! Был волк, а теперь красивая шапка!

Амгалан. Ага.

Васо. И когда Даримка успела его в шапку превратить?

Амгалан. Успела, значит.

Васо. Вай! Брат! Ты чего такой грустный? Мы же победили!

Амгалан. Победили. Да только плавать я до сих пор не умею, а отпуск заканчивается.

К тарбагану подходит нерпа.

Нерпа. Привет, пузатик. Я тебя научу.

Амгалан. Ты? Но ты же была так далеко.

Нерпа. Мы узнали, что волка больше нет, и сразу приплыли на этот берег.

Васо. Вах! А где остальные красавицы?

Нерпа *(показывает)*. Вон они идут.

Васо. Брат! *(Пожимает тарбагану лапу.)* Оставляю вас наедине! А меня ждут. *(Уходит к нерпам.)*

Амгалан. А почему ты ко мне пришла, а не к Васо?

Нерпа. Потому что ты мне сразу понравился, глупыш.

Амгалан *(доверительно)*. А ты знаешь, что волка победил я?

ТИХИЙ БУЛАТ

СТЕПНОЕ ФЭНТЕЗИ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Артур, Майя.

Столик в кофейне.

Артур. Мне снится конь.

Майя. И что?

Артур. Так уже третью неделю снится. Ходит вокруг, смотрит оценивающим взглядом и усмехается.

Майя (*улыбается*). А ворот пальто он случаем не поправляет?

Артур. Да я серьёзно. У него взгляд нобелевского лауреата. Будто он знает всё и ещё чуть-чуть.

Майя. Ну-ка дыхни.

Артур. И не стыдно тебе?

Майя. А вдруг?

Артур. Сколько мы уже друг друга знаем?

Майя. Лет семь-восемь.

Артур. Во-о-от. Я же к тебе как к другу. Сашка-то в командировке, а Бэлик такие вещи всегда в шутку обращает.

Пауза.

Чую, там явно что-то затевается.

Майя. Допустим. И что нам с этим делать?

Артур. Не знаю.

Майя. Здравствуй, ёлка, новый год.

Артур. Ха-ха.

Майя (*делает примиряющий жест рукой*). Итак. Что за конь? Где и когда всё происходит?

Артур. Чёрный конь...

Майя (*машинально поправляет*). Вороной.

Артур. Неисправимая. (*Майя улыбается*.) Вороной конь. В летней степи. Вокруг никого. Только ветер шумит.

Майя. Когда всё происходит?

Артур. Без понятия. Там же степь. Может, это заря человечества? Или эпоха воинствующих кочевников? А может, там вдалеке космопорт с рейсами до Туманности Андромеды?

Майя. Кушай чизкейк.

Пауза.

Попробуй с ним поговорить.

Артур. С конём?

Майя. Ну да. Сам же говорил, что у него взгляд нобелевского лауреата. Тем более это сон. Чего тебе терять?

КАРТИНА ВТОРАЯ

Шатёр Жестокого Шагдара.

Шагдар, два воина, предатель.

Шагдар (*предателю*). Мы тебя выслушали. (*Воинам.*) Уведите его и отрубите ему голову.

Предатель. За что? Как же так? Почему? Почему вы возвысили Тёмного Шаррада? Он же тоже перешёл на вашу сторону.

Шагдар. Не смей себя сравнивать с великим воином! Он славно бился и отдал мне свой меч как равному. А ты? Ты приполз сюда червяком, рассказал о том, что мы и так знаем. И ещё рассчитываешь на награды и милости? Голову с плеч!

Предатель (*вырываясь*). Дайте мне меч, и я покажу вам всем, что значит биться с равным!

Шагдар (*усмехаясь*). Дайте ему меч.

Воины дают предателю меч.

Шагдар (*воинам*). Кто из вас хочет его убить?

Воины бросают жребий. Победивший обнажает меч и бьётся с предателем, который хоть и сопротивляется, но умирает.

Шагдар (*победившему воину*). Почему так долго? Будешь ещё час отрабатывать упражнения с мечом. Унесите эту падаль. Мастер меча нашёлся. Тьфу!

Входит Алтана.

Здравствуй, доча.

Алтана (*целует отца*). Здравствуй, папа.

Шагдар. А где этот? Как его? Ыылдырым?

Алтана. Я тут себе такого коня присмотрела.

Шагдар *(спокойно)*. Доча.

Алтана *(виновато)*. Прости, папа.

Шагдар. Опять?

Алтана. Да он меч, как девочка, держал.

Шагдар. И?

Алтана. Ну, я ему так и сказала. А он как взъярится, как вытащит меч, как закричит, что проучит меня, – вот и нарвался на добрый удар.

Шагдар *(со вздохом)*. Тринадцатый?

Алтана. Четырнадцатый.

Шагдар *(улыбается)*. Ох, доча. На тебя женихов не напасёшься.

Алтана. А куда настоящие мужчины подевались? Единственный, кто достоин стать моим мужем, – наш злейший враг. *(Задумчиво.)* Слушай, папа, а можно я его сама убью?

Шагдар *(усмехаясь)*. Посмотрим.

Алтана. Ну, папа.

Шагдар *(спокойно)*. Доча.

Алтана. Хорошо, папа. Пойду хоть коня себе поймаю?

Шагдар. Какого коня?

Алтана. Вороного.

Шагдар. Одинокого Вороного?

Алтана. Да.

Шагдар. За неделю управишься?

Алтана. Папа, ты у меня самый лучший! Спасибо-спасибо-спасибо! Конечно, управлюсь.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Степь.

Одинокий Вороной, Артур.

Артур *(со вздохом)*. Ну, ёксель-моксель.

Вороной. И тебе привет, добрый человек.

Артур. Что за бред? Говорящих коней не бывает.

Вороной. Разумеется, не бывает.

Артур. Даже ты. Вроде бы и взгляд умный, а говорить всё равно не можешь.

Вороной. Да-да, конечно.

Артур. Ну чего ты ржёшь?

Вороной. Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына, грозный, который ахеянам тысячи бедствий содеял...

Артур. И как мне с тобой разговаривать? И о чём?

Вороной. Например, об искусстве.

Артур. А почему бы и да? Здравствуй, конь.

Вороной. Интересно, а кто с тобой некоторое время назад поздоровался?

Артур. Меня зовут Артур.

Вороной. Одиноким Вороной. Только зачем это я? Ты же ведь ни слова не понимаешь. Эх.

Артур. А давай я тебя просто конём называть буду?

Вороной. Да хоть Аликом или половником.

Артур. Будем знакомы.

Конь кивает.

Артур. Ёшкина мышь, ты же меня понимаешь.

Вороной. Какой ты молодец.

Артур (*шарит по карманам*). Чем бы тебя угостить?

Вороной. С этого и надо было начинать.

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

Шатёр Кровавого Тимура.

Тимур, Приспешник.

Тимур. Теперь во всей степи осталось двое нас:

я, великий воин, Тимур Неумолимый,

да враг мой злейший Шагдар Жестокий с дочерью своей.

Узнать бы, кто украл мои победы.

Сначала над Шаррадом Тёмным

и следом над Неистовым Арданом.

Приспешник. Да-да. Украли-украли. Шаррада разгромила армия Жестокого Шагдара, а воинство Неистового Ардана, поговаривают, вырезал Тихий Булат.

Тимур. Булат, кошмар степи, таинственный

и, словно смерть, неотвратимый.

Уж лучше пусть Ардан, чем мы.

Приспешник. Да-да. Умирать-то никому не хочется. Зато теперь остался лишь один Шагдар.

Тимур. Шагдар, готовь дрова для погребального кострища,
и для себя, и для всех воинов своих.

Приспешник. Да-да. Убьём их всех, сожжём их всех. А эту
несносную девчонку Алтану я заберу к себе в рабыни.

Тимур. Забыть не можешь до сих пор,
как твои пять сотен копий
разбила в пух и прах Шагдара дочь
своими сотнями двумя?

Приспешник. Им просто повезло! И ещё они из-за угла напали!

Тимур. Из-за угла в степи? Ты мои брови насмешил.
Иль истинной причины назвать ты не желаешь?

Приспешник. Им просто повезло. Ведь одно поражение на
двадцать семь побед вполне приемлемый результат.

Тимур. Кто после поражений смог подняться,
тот лишь сильней становится.
Но всё ж я больше не желаю ощущать
сей горький вкус побед врагов моих.
Поэтому нам нужен легендарный иноходец,
свободный Одинокый Вороной,
чтобы триумф лишь с нами znalся.
Приспешник, воинов возьми
и в степь спеши и приведи коня.
Но коль тебя постигнет неудача,
то не сносить тебе башки своей.

Приспешник. Да-да. Приведу-приведу. Куда деваться? Я не
хочу закончить, как мои одиннадцать предшественников.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Степь.

Вороной, Артур.

Артур. О! Опять степь. Привет, конь.

Вороной. И снова здравствуй. А где яблоко?

Артур. Ну чего ты тянешься? Взял я тебе вкусняшку, взял.

Вороной. Так чего же ждёшь?

Артур угощает Вороного яблоком.

Вороной. Спасибо.

Артур. Безлюдно здесь.

Вороной. Вот и славно.

Артур. А так полноценного общения хочется.

Вороной. Эх, ты.

Артур. Нет, правда. Конь, ты не обижайся, но я не улавливаю всех тонкостей твоего ржания, чтобы полностью тебя понимать. С интонациями ещё более-менее ясно, но этого мало.

Вороной. Мало ему.

Артур. Может, ещё яблоко?

Вороной. Ты что, яблоком моё расположение вернуть хочешь? Давай сюда. Спасибо, вкусно. Мало ему. (Фыркает.)

Артур. Ты чего? Я же извинился.

Вороной. Извинился он.

Артур. Ты давай остынь, а я пока людей поищу.

Вороной. Я спокоен. (Фыркает.) Сдались тебе эти люди.

Артур (кричит). Есть тут кто живой?

Вороной. Сильно сомневаюсь.

Артур (продолжает кричать). Ну хоть кто-нибудь.

Вороной. Пусть тебе повезёт.

Появляется Странник.

Странник. Я пою вместе с ветром протяжные песни. (Задумчиво.) А хорошо звучит.

Вороной. Как всё интересно.

Странник (замечает Артура). А ты откуда взялся?

Артур. А ты?

Вороной. Взялись тут оба на мою голову.

Странник. Таки забавный ты парень.

Артур. Да ладно.

Вороной. Так и улыбнуться тянет.

Странник. Да, правда. В степи. И без оружия. На святого ты не похож, на отшельника тоже, и не безумен вроде как. Может, ты певец или сказитель?

Вороной. Это он-то?

Артур. Не замечал за собой такого.

Странник. Кто же ты? Ты хоть меч в руках держать умеешь?

Артур. Только на компьютере.

Странник. Чего?

Вороной. Чего?

Артур. Не умею.

Вороной. Так я и думал.

Странник. Хм. Может, ты грамоте обучен?

Артур. Ещё со школы.

Странник. Хорошо. Будешь мои стихи записывать. А я тебя научу мечом владеть и защищать буду.

Артур. Тут же никого нет.

Странник смеётся.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Городской парк.

Бандиты, Эрлина.

Бандиты пьянствуют возле машины. Входит Эрлина в доспехах.

Эрлина (*одноглазому бандиту*). Сюда иди.

Первый бандит. Это что за краля?

Одноглазый бандит бледнеет.

Второй бандит. Сама иди сюда. Мы тебя не обидим.
(*Хохочет.*)

Эрлина. Думал, не найду?

Одноглазый бандит начинает лихорадочно копаться в салоне машины.

Первый бандит. Слышь, ты, штучка ряжена, совсем страх потеряла?

Второй бандит. Да она совсем чокнутая?

Эрлина. Погребальный костёр ждёт.

Одноглазый бандит начинает лихорадочно копаться в багажнике.

Первый бандит. А че? С тронутыми я ещё не пробовал.

Второй бандит. Ну так самое время. (*Хохочет.*)

Эрлина (*поёт*).

Тили-тили-тили-бом.

Тишина стучится в дом.

Идёт к одноглазому бандиту, на пути встаёт первый бандит. Эрлина сворачивает ему шею одним движением.

Эрлина (*достаёт меч и продолжает петь*).

Я тебя везде найду,

Я к тебе всегда приду.

Одноглазый бандит достаёт из багажника меч.

Эрлина (*продолжает петь и зарубает второго бандита*).

Будет ночь и будет день,
Ты погибнешь, ясен пень.

Одноглазый бандит пытается защититься, но Эрлина зарубает его секунды за три.

Эрлина *(вытирает меч об одежду одноглазого и забирает кошелёк).* Что-то мороженого захотелось.

Эрлина щёлкает пальцами, появляются духи и уносят тела.

Эрлина *(задумчиво).* Где бы его взять?

Вбегает Артур с мороженым.

Артур. Вам идут доспехи.

Эрлина. Спасибо, я знаю.

Артур. Вы, наверное, из толкинистов.

Эрлина. Нет. А где вы мороженое взяли?

Артур *(показывает).* Там. Особенно пломбир рекомендую.

Эрлина. И ещё раз спасибо. *(Уходит.)*

Артур пожимает плечами. Появляется Майя.

Артур *(протягивает Майе мороженое).* Держи.

Майя. Не успеешь руки помыть, как ты опять со своим джентльменством.

Артур. Ты – девушка.

Майя. Я – друг.

Артур. Девушка-друг. Но девушка же.

Майя. Я тебя сейчас стукну.

Артур. Мороженым?

Майя. Мороженое жалко.

Артур. А меня?

Майя. А что с тобой сделается?

Артур. Добрейший ты человек.

Майя. А ты будто не знал?

Пауза.

Артур. А потом мы со Странником отправились красть корову.

Майя. Повтори.

Артур. Оказывается, мне плавности не хватает.

Майя. Не знаю, не знаю. Вот гармонии – это да.

Артур. Разве? У меня же всё хорошо.

Майя. Скажи это своим бывшим.

Артур. Да этих девушек не поймёшь. То они с тобой соглашаются, то они с тобой спорят, то всё вместе и в одной фразе. Что с ними делать?

Майя. Будь с ними честным.

Артур. Лучше от этого не становится. *(Задумывается.)*
Странно, ведь из всех девушек я полностью честен только с тобой.

Майя. Так что там с коровой?

Артур. Мне дней десять снится одно и то же утро. Будит меня Странник, заставляет доить корову и делать творог, которым в меня бросает.

Майя разводит руками.

Артур. Что поймаю и не раздавлю, то и есть мой завтрак.

Майя. Наедаешься?

Артур. Всё ещё голодным просыпаюсь. Но прогресс налицо.

Майя. Проверим. *(Бросает Артуру мороженое.)*

Артур *(ловит мороженое).* Прошу продолжить трапезу.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Алтана, два воина, Приспешник, отряд воинов.

Две группы появляются с разных сторон.

Приспешник. Попалась!

Алтана *(первому воину).* Подержи коня.

Приспешник *(своим воинам).* Живьём девчонку брать!

Алтана *(второму воину).* Аккуратней с плащом *(Обнажает меч.)*

Приспешник. Я за подмогой! *(Убегает.)*

Алтана, словно в танце, убивает всех воинов.

Алтана *(вытирает меч).* Зачем я только зарядку утром делала? *(Убирает меч.)*

Входят Артур, Странник, Вороной.

Странник. В пять дней

Уместились

Три года.

Так может жизнь

Пролететь за

Мгновенье.

Артур. Суров ты, Странник.

Вороной. По мне так ничего выдающегося. Ну, прожили три года за пять дней. Просто же.

Странник. И тебе спасибо.

Вороной. Справа.
Алтана. Какой конь.
Вороной. Да. Я хорош.
Странник. Ну, конь.
Артур. Вороной.
Вороной. Одиноким Вороной.
Странник. Приветствую
Тебя, услада
Степных небес.
Артур. Здравствуй, красавица.
Вороной. Откуда такие манеры?
Алтана. И вам моё приветствие, почтительные незна-
комцы. Назовите ваши имена.
Артур. Артур.
Странник. Странник.
Алтана. Это не имя.
Странник. Мне хватает.
Алтана. Имя.
Артур. А ваше?
Алтана. После. Имя.
Воины подходят ближе.
Первый воин. Алтана?
Второй воин. Такая Алтана.
Странник. Странник.
Алтана. Имя.
Артур. У него есть право не говорить.
Алтана. У меня есть право знать.
Вороной. Только без страстей. Только без страстей.
Странник. Право?
Артур. Вроде бы мирная степь.
Первый воин. Ставлю на пять мгновений.
Второй воин. Три с половиной.
Бьются об заклад.
Алтана (*обнажает меч*). Право клинка.
Странник (*улыбается*). Думаешь у мёртвого имя узнать?
Вороной (*встаёт между Странником и Алтаной*). Господа,
но зачем же стулья ломать?
Алтана. Только из уважения к благородной красоте скакуна.
(*Убирает меч.*)

Вороной. Все слышали? Все слышали?

Пауза.

Алтана. Приглашаю к огню наших шатров.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Тимур.

Степь. Шатёр Кровавого Тимура.

Вбегает Приспешник с обломком стрелы в спине.

Тимур. Как смеешь ты сюда являться

один, живой и без коня?

Иль ты укажешь мне причину,

благодаря которой, может быть,

тебя в живых оставить я решу.

Приспешник. Я не щадил себя, когда бежал к тебе, о, Гроза степи.

Тимур. Мой меч и я считаем оба,

Что рост твой надобно

на голову укоротить.

Ни одного препятствия сему

не обнаружил я в речах твоих.

Приспешник. Владыка, на нас напали Шагдаровы бандиты. Их было в десять раз больше!

Тимур. Погибнуть смертью храбрых ты не смог?

Подохни же на плахе! Эй, палачи!

Входят палачи.

Связать его, переломать все пальцы,

Вывернуть колени, кожу с плеч содрать,

А раны солью и песком посыпать.

Палачи засучивают рукава.

Приспешник. Я жить хочу!

Тимур. А мне какое дело? Схватить его

И медленно со смертью познакомить.

Палачи подходят к Приспешнику.

Приспешник. Одно слово, Непобедимый. Я жив лишь потому, что должен указать тебе, Разящий, какой стороной они повели к Шагдару твоего Одинокого Вороного.

Тимур. Лекаря ко мне!

Палачи пожимают плечами и уходят.

Приспешника он подлатает пусть.

Да поскорей, а то там палачи скучают.

Коня готовьте, мой доспех походный

до блеска начищайте. Я своей рукой

аркан на шее Вороного затяну,

а свою картину я допишу по возвращеньи.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Шагдар, Алтана, Артур, Странник.

Холм возле стоянки войск Жестокого Шагдара.

Артур. У вас замечательный повар.

Алтана. Самый лучший. Да, папа?

Странник. И мои благодарности тоже передайте.

Шагдар. Что мы всё обо мне да обо мне.

Артур. Не может быть.

Алтана. Ещё как может.

Шагдар (*Страннику*). Отведайте ещё вина, почтеннейший.

Странник (*принимает*). Благодарю.

Шагдар. Оставим молодёжь наедине.

Странник (*понимаяще улыбается*). Действительно. Прогуляться не помешает, а то что-то меня в сон клонить начало.

Странник и Шагдар уходят.

Алтана. У тебя такой красивый конь.

Артур. У меня?

Алтана. Отдай его мне.

Артур. У меня нет коня.

Алтана. Мне не отказывают.

Артур. Честное пионерское.

Алтана. Шутить вздумал? Уверяешь непонятными словами? А как понимать то, что этот «не твой конь» слушается только тебя? А другие к нему даже подойти не могут? А я хочу себе такого коня! Этого коня!

Артур. Он никогда не станет твоим.

Алтана. Станет-станет.

Артур. Ни моим, ничьим.

Алтана. Да что ты говоришь? Что-то не выглядите вы с конём чужими друг другу.

Артур. Он – друг.

Алтана. Говорила же! Он твой конь.

Артур. Он – друг.

Алтана. Заладил ведь. Я и так с детства знаю, что кони – наша величайшая драгоценность, наши помощники и опора, бессловесные спутники и ловцы ветра.

Артур. Он – друг.

Появляется Шагдар.

Шагдар. Уже договорились?

Артур. О чём?

Алтана. Непонятливый он. Говорит, что конь не его.

Артур. Где Странник?

Алтана. Папа.

Шагдар. Доча.

Алтана. Прости, папа.

Алтана отходит в сторонку и садится на траву.

Шагдар. Он спит.

Артур. Как вы могли?

Шагдар. Я этого не хотел, но я не хочу терять своих воинов в битве с таким мастером.

Алтана. Мастером?

Шагдар. Доча, тебе крупно повезло, что он не ответил на твоё право клинка. Ты видела, как он пил вино?

Алтана. Ну, видела.

Шагдар. Ничего ты, доча, не видела. *(Артуру.)* Но и не дать ему последнего боя я тоже не имею права, поэтому его везут в сторону заката, где он очнётся через день.

Артур. Какое благородство.

Шагдар. Не дерзи, юноша. Отдай своего коня моей дочери – и я не слышал этой интонации.

Артур. У меня нет коня.

Шагдар. Алтана, ты слышала? Конь – твой.

Артур. У меня есть друг. *(Кричит.)* Беги, конь!

Шагдар бьёт Артура в солнечное сплетение. Слышны шум, ржание, крики «Ушёл, дьявол!».

Шагдар *(прибежавшим воинам).* Идём на восход. Связать мальчишку. Если конь и правда его друг, то сам к нам вернётся.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Майя, Артур.

Кафе.

Входит Майя.

Майя. Вот негодай.

Входит Артур.

Артур. Здравствуй, красавица.

Майя. Ты мне зубы не заговаривай.

Артур. И в мыслях не было.

Майя. Ой ли?

Артур. Ни в одном глазу.

Пауза. Майя пристально смотрит на Артура.

Майя. Тогда рассказывай.

Артур. На чём я остановился?

Майя. Странника увезли в степь, конь сбежал, а тебя связали.

Артур. Ага. Меня связали, бросили на телегу, а сверху набросили рогожу.

Пауза.

Майя. Ты продолжай-продолжай.

Артур. А потом я проснулся.

Пауза.

Майя. Каков подлец. Сначала обрывает рассказ на самом интересном месте, потом обещает досказать при встрече, а когда я прихожу, меня ждёт такой «сюприз».

Артур. Мне нужен твой совет.

Майя. Ты с ума сошёл, да?

Артур. А когда я нормальным был? Адекватным – да, а про нормальность речи не было.

Майя. Просто слов нет.

Артур. И это тоже. (Улыбается.) Поможешь?

Майя. Ты серьёзно?

Артур. Да.

Майя. Я пойду.

Артур. Один совет, только один совет.

Майя. Почему?

Артур. Ты же добрая.

Майя. Наглец.

Артур. Я просто тебя знаю.

Майя. С тебя ужин.

Артур (*улыбается*). Куда деваться?

Майя. И шоколад. Мой любимый.

Артур. Хорошо.

Пауза.

Майя. Какой-то ты подозрительно покладистый.

Артур. Мне очень нужно с тобой посоветоваться.

Майя. Всё так серьёзно?

Артур. Да. И... (*Пауза.*) Нет. Потом. (*Пауза.*) Сейчас нужен твой совет. Я не знаю, что будет твориться в той степи, когда она мне снова приснится.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Эрлина, Странник, два воина.

Степь.

С разных сторон появляются Эрлина и два воина, везущие телегу со спящим Странником.

Первый воин. Ты смотри, какая милашка.

Эрлина (*начинает петь*). Две тени в ряд на фоне тьмы.

Второй воин. Это в каком войске с перепугу женщин брать стали?

Эрлина (*продолжает петь, обнажает меч*). Поют и улыбаются.

Первый воин (*смеётся*). Обалдеть, она и правда собирается с нами биться.

Второй воин. Детка, ты это брось. Мы из войска Шагдара.

Эрлина (*продолжает петь*). Поют, как были влюблены. (*Зарубает первого воина.*)

Второй воин (*обнажает меч*). Умри!

Эрлина (*продолжает петь*). И на ветру качаются. (*Зарубает второго воина.*)

Эрлина вытирает меч, щёлкает пальцами, появляются духи и уносят тела воинов. Эрлина будит Странника.

Эрлина. Хватит спать.

Странник (*отмахивается*). Уйдите все.

Эрлина. Вставай, самое интересное пропустишь.

Странник (*сонно*). Без меня разберутся.

Эрлина. Ты в это веришь?

Странник *(просыпается)*. Надо идти. *(Пауза.)* Слушай, а может, ты сама?

Эрлина *(показывает на восход)*. Тебе туда.

Странник *(со вздохом)*. Туда. *(Спокойно.)* Так. Меч со мной. Благородно.

Эрлина и Странник расходятся в разные стороны.

Степь.

Появляется Артур.

Артур. Степь, хорошо-то как.

Появляется Вороной.

Вороной. А меня поприветствовать?

Артур. Конь, дорогой, как я рад, что с тобой всё хорошо.

Вороной. А разве со мной иначе может быть?

Артур *(со смехом)*. Опять тянешься. *(Шарит по карманам.)* Сейчас-сейчас. *(Угощает Вороного яблоком.)*

Вороной. Благодарствую. Где тебя неделю носило?

Появляются Тимур, Приспешник, отряд воинов.

Приспешник *(тихо)*. Как мне повезло, что этот конь и в самом деле здесь.

Тимур. Приветствую тебя, о, одинокий путник.

Я вижу, ты сбежал из лап Жестокосердного Шагдара.

Артур. Здравствуйте. А вы откуда знаете?

Вороной. И откуда вас всех принесло?

Приспешник *(тихо воинам)*. Окружить и приготовить арканы. *Воины начинают потихоньку окружать Артура и Вороного.*

Тимур. Удачи луч твою дорогу озарил,

Когда на ней меня ты повстречал.

Отдай коня – и милостью своей

Позволю я тебе быть среди воинов моих,

Когда весь мир к моим ногам падёт.

Артур. Что вы все к несчастному коню привязались?

Конь. Поправка. Я вполне счастливый иноходец.

Приспешник *(воинам)*. Готовьтесь.

Тимур. Невежда! Коль не слыхал ты пророчества Аштара,

В котором сказано, что тот, кто сможет оседлать,

Как ночь, чернеющего Вороного, тому судьба даст сил

Сначала степь, а после мир под своей властью
утвердить.

Артур. А вы коня спросили?

Вороной. Вот именно. Зачем мне мир, когда есть степь и ветер? *(Оглядывается.)* Не нравится мне это.

Тимур. Ещё чего? Спросить коня? Да ты ль в своём уме?
(Воинам.)

Коня и этого безумца заарканить! Связать покрепче!
Их ко мне в шатёр везите.

Воины накидывают арканы на Вороного и Артура,
связывают их и уносят. Тимур и Приспешник уходят.

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Странник, Шагдар, Алтана, воины Шагдара, Эрлина.

Степь.

С разных сторон появляются Странник и Шагдар с Алтаной и своими воинами.

Странник. Тем утром

Роса была

Особенно холодной.

Алтана. Там сумасшедший.

Шагдар. Не думаю.

Странник. Мгновение

И вечность

Едины перед строками.

Алтана. А кто ещё один против целого войска выйдет?

Шагдар. Слухами о нём степь полнится.

Странник. Протяжные песни

Пою вместе с ветром,

Вместе со степью пою.

Алтана. Неужели сам?

Шагдар. Всем ждать меня. Я сам.

Шагдар подходит к Страннику.

Странник. Здравствуй, повар.

Шагдар. Здравствуй, Странник.

Странник. Споём клинками.

Шагдар. Приступим.

Странник и Шагдар бьются на мечах. Входит Эрлина с чашкой горячего шоколада. Пауза. Потом Странник и Шагдар продолжают биться.

Эрлина. Справишься?

Странник. Конечно.

Эрлина. Да я про войско.

Странник выбивает меч у Шагдара.

Странник. В следующий раз убью.

Шагдар. Я знаю.

Странник. Ты хорошо готовишь.

Шагдар. Заходи в гости.

Пауза.

Шагдар. Скажи, это ты?

Странник. Я?

Шагдар. Тихий Булат.

Странник. Нет, я лишь начинающий поэт.

Пауза.

Странник *(показывает на Аиду).* Вон Тихий Булат.

Эрлина. Эрлина, будем знакомы.

Шагдар. Шагдар.

Эрлина. Дела зовут и шоколад закончился. *(Уходит.)*

Шагдар. Тихий Булат – это девушка?

Странник. Как тебе не стыдно. Тихий Булат – это её меч.

Пауза.

Странник. Зачем тебе Одинокий Вороной?

Шагдар. Мне незачем. Дочери достойного скакуна захотелось.

Странник. Правильно. Вижу, ты сам можешь стать степным владыкой и без Вороного.

Пауза.

Странник. Оставайтесь здесь, а утром идите на восход. Будет славная битва. *(Уходит.)*

Алтана подъезжает к Шагдару.

Алтана. Папа, почему ты его отпустил?

Шагдар. Его удержишь.

Алтана. Да я бы его!..

Шагдар. Доча.

Алтана. Нет, папа. Это будет моя битва. *(Зычно воинам.)* Чуток передохнём и сразу идём следом.

Шагдар. Какая ты у меня большая стала, доча.

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

*Артур, Тимур, Приспешник, Вороной, Странник.
Степь. Шатёр Кровавого Тимура.*

Тимур. Готовься, степь, к владычеству Тимура.

Оно неотвратимо, как закат,

Как времени стрела, как...

Входит Приспешник.

Приспешник. Владыка...

Тимур. Как смел меня отвлечь ты?

Приспешник. Владыка, к вам безумец.

Тимур. Безумен целый мир.

Приспешник. Но этот вызывает вас на бой.

Тимур. Воистину безумен он

Иль умереть в бою желает.

Что ж, пусть войдёт.

Входит Странник.

Странник. Здравствуй, Кровавый Тимур. Мне нужны
Одинокий Вороной и его друг.

Тимур. Тебя приветствую, безумец неизвестный.

Странник. Безумец?

Приспешник. Ещё какой.

Тимур. И ради них ты смерти не боишься?

Странник. С ними весело.

Вбегает воин.

Воин. Владыка, горе, Вороной сбежал!

Тимур. Догнать! Вернуть! И поскорей!

Охрану Вороного умертвить сейчас же!

Воин. Будет исполнено, о, Гроза степи. (Уходит.)

Странник. Ну раз Вороной сбежал, то, может, просто
отдашь мне Артура?

Тимур. Ужель ты так наивен? Нет!

Я зол! Я кровь пролить желаю!

И в роли жертвы ты пребудешь!

Приспешник! Приведи мальчишку,

Пусть видит он, как за него умрут,

А после сам умрёт от моего клинка.

Приспешник. Сейчас-сейчас, Непобедимый. (Уходит.)

Странник. Так хочется чаю

Сделать глоток

Перед боем.

Тимур. Я зол! И я великодушен.

Эй! Принесите чаю!

Пускай пригубит напоследок.

Появляется воин с чаем, подаёт его Страннику, уходит.

Странник (*отпивает чаю*). Благодарю.

Приспешник приводит связанного Артура.

Тимур. Узри, несчастный, как безумец сей

Своею гибелью напрасной

Клинок мой обагрит.

Артур. Странник, ты с ума сошёл?

Приспешник. А я о чём?

Странник. Да я за Вороным пришёл и за тобой в нагрузку.

Артур. Уходи. Вороной уже сбежал. Не волнуйся за меня.

Приспешник. Ещё один безумец.

Странник. Да я спокоен. Сейчас убью этого Тимура и пойдём. (*Обнажает меч.*) Приступим?

Тимур (*обнажает меч*). Убить меня? Сдаётся мне,

Пределов твоему безумию не видно.

Меня ещё никто в бою не побеждал.

Странник. Это поправимо. (*Нападает на Тимура.*)

Странник и Тимур бьются на мечах.

Тимур. А ты неплох, весьма неплох, безумец.

Но знай, что смерть твоя близка.

Вбегает воин. Тимур и Странник прерывают бой.

Воин. Тревога! Войска Шагдара на подходе!

Тимур. Приспешник, разберись!

Приспешник. Будет исполнено, Неудержимый. (*Уходит вместе с воином.*)

Тимур. Ты так спокоен, незнакомец,

Будто ты и есть гроза степи Булат.

Артур. Кто это?

Странник. Это он о Тихом Булате.

Артур. Странное имя.

Странник. Просто после него становится тихо-тихо. Даже духи шёпотом разговаривают.

Тимур. Так ты не он. Ты просто обезумел. (*Нападает на Странника.*)

Странник. Конечно, не он. И вообще. Сколько можно называть меня безумцем?

Тимур. Иных названий для того,
Кто умертвить меня намерен, я не знаю.

Странник. Да за такой чай, что ты подаёшь своим гостям, тебя давно убить пора.

Тимур. Сейчас ты сам умрешь!
Ведь никому из всех, живущих ныне,
Меня убить никак нельзя!

Странник. Мне можно. Я уже двести лет как умер. (*Убивает Тимура.*)

Тимур. Картина незаконченной осталась.
(*Пауза.*) Жаль.

Артур. Это ж надо.

Странник. Бывает.
Появляется Эрлина.

Эрлина (*берёт Странника за руку*). Пойдём, там такая заварушка намечается.

Странник. А чем тебя эта не устроила?

Артур. Здравствуй.

Эрлина. Здравствуй. (*Освобождает Артура.*) Там, действительно, неплохой пломбир. (*Страннику.*) Пойдём-пойдём, здесь не так интересно.

Странник. Но я же не оставляю здесь Артура.

Эрлина. Пойдём, сейчас Вороной прибежит.

Артур. Иди, раз надо.

Странник и Эрлина уходят.

Артур (*отпивает чаю*). Прав был Странник.

Вбегают Приспешник и Алтана.

Приспешник. Владыка, нас теснят. (*Замечает мёртвого Тимура.*) Не может быть.

Алтана. Кто посмел? Я его сама убить хотела!

Вбегает Вороной.

Вороной. Бежим!

Артур. Зачем ты вернулся?

Приспешник (*нападает на Алтану*). Умри!

Алтана. С дороги! (*Одним движением убивает Приспешника.*)
Это мой конь!

Вороной. Он ещё спрашивает? *(Хватает Артура, бросывает себе на спину, убегает.)*

Алтана *(пускает вслед стрелу).* Раз не мой, значит, ничей!

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Артур, Вороной.

Степь.

С Артуром на себе и со стрелой в спине входит Вороной, опускает юношу на землю, садится.

Вороной. Оторвались?

Артур. Зачем ты вернулся?

Вороной. А поблагодарить?

Артур. Я бы справился.

Вороной. Сколько самомнения.

Артур. Мне бы ничего не было.

Вороной. А ты проверял? Царапины не в счёт, а если ты здесь умрёшь, то там ты не проснёшься.

Артур. Понимаешь, ни-че-го.

Вороной. Я-то тебя понимаю.

Артур. Понимаешь же.

Вороной. В отличие от некоторых.

Артур. Ты же ранен.

Вороной. Удивительно, правда?

Артур. Сейчас я тебя перевяжу.

Вороной. Поговорим об искусстве.

Артур *(перевязывает Вороного).* У тебя жар.

Вороной. Хотя нет. Не успеем.

Артур. Может, «скорую» вызвать? Проклятье! Какая в степи «скорая»?

Вороной. Знал бы ты, какие чудесные песни поёт наш степной ветер.

Артур. Не смей! Даже заболеть не смей!

Вороной. Бежишь с ним наперегонки, а он смеётся и поёт.

Артур. Эй! Ты чего хрипишь?

Вороной. И ты подхватываешь песню и пускаешься в пляс.

Артур. Будет, тебе всё будет. И яблоки, и сахар, и свежий хлеб – только поправляйся.

Вороной. Я, между прочим, очень даже хорошо танцую.

Артур. Дружище...

Вороной (*поднимается*). Сейчас покажу. (*Танцует, падает.*)

Артур. Зачем? (*Утирает слёзы.*) Мне бы ничего не было.
(*Обнимает Вороного.*) Зачем?

Вороной. Эх... (*Умирает.*)

КАРТИНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Артур, Эрлина.

Разгромленное войско Шагдара. Артур и Эрлина стоят возле зарубленной Алтаны.

Эрлина. Доволен?

Артур (*бесцветным голосом*). Да.

Эрлина. По тебе не видно.

Артур. Там у нас говорят, что жизнь нужно ценить, что месть убивает, что нужно уметь прощать.

Эрлина. Так что ж ты её не простил?

Артур. Месяц назад простил бы.

Эрлина. Месяц назад ты был тюфяком. Я даже не понимала, что в тебе Странник нашёл?

Артур. А теперь?

Эрлина. Он прав. Нам всем нужно немного покоя.

Артур. Чего?

Эрлина. Тихий Булат нужно вложить в ножны.

Артур. Ну хорошо. Их нужно найти?

Эрлина. Они уже здесь.

Артур. Тут целое войско полегло. Искать замучаемся.

Эрлина. Ты стал твёрже, ты стал цельным, это ты – ножны Тихого Булата.

Артур (*обнажает меч*). Обойдётся.

Эрлина (*обнажает меч*). Так даже интересней.

Артур и Эрлина на равных сражаются на мечах. Но тут к юноше со спины подходит Странник и ставит ему подножку.

Странник. Прости, Артур, но Степь всего важнее.

Эрлина закалывает Артура.

Занавес.

СОДЕРЖАНИЕ

Пассажир	4
Кукла	11
Струна.....	18
Волшебный шар	28
Шлем.....	32
Диета Мангатхая	60
Детство Будамшу	69
Волшебное зелье	74
Тихий Булат.....	102

Галсан Нанзатов

«КУКЛА И ДРУГИЕ СТРОКИ»

Охраняется Законом об авторском праве. Ни одна часть данной книги не может быть скопирована или распространена без предварительного письменного разрешения автора.

Художник
Юма Раднаева

Корректоры
Светлана Дабаева и Эмма Лазарева

Дизайн и верстка
Табиту Мердыгеев, «НоваПринт»

Издательство «НоваПринт»
Подписано в печать 26.08.2016 г.
Формат 60х90/16. Печ.л. 40,5. Печать офсетная.
Отпечатано ООО «НоваПринт», Республика Бурятия,
г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 1.
Тел.: 8 (3012) 212-220, 212-552.
Заказ №2035. Тираж 500 экз.